

1981
ПОБЕДИТЕЛЬ

**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ СССР**

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

Январь, 1981 год, № 1

На первой странице обложки: снимок этого мальчугана с красными звездиками на Красной площади был опубликован буржуазным итальянским журналом «Эпока» среди других снимков о Москве и москвичах: идет ветеран, на груди боевые награды за участие в Великой Отечественной; молодой лейтенант, возможно впервые оказавшийся в столице, фотографирует какую-то достопримечательность; на руках у матери малыш в бескозырке, на которой золотом выведено «Аврора». Обычные картины, знакомые каждому не только по Москве — по любому нашему городу — в ряду тысяч и тысяч других картин мирной жизни. Но чье-то продажное перо вывело комментариев: видите, мол, какой там, в Москве, милитаристский угар. Даже дети шагают по-военному и носят военные головные уборы.

Вот так она и делается — буржуазная пропаганда — на бесстыдных подтасовках, на злобной клевете, на лисьем расчете одурачить, запутать и запугать обывателя.

2. В. Аксенов. ЭСТАФЕТУ БОРЬБЫ — МОЛОДОМУ ПОКОЛЕНИЮ ВОСЬМИДЕСЯТЫХ

5. А. Лозовский. ДО ВОКЗАЛА ОДИН МАРШ-БРОСОК

10. Эрнст Лаунгер. «ЗАЧЕМ МНЕ ЗНАТЬ, ПОЧЕМУ БЫЛА ВОЙНА?»

12. Юрген Поморин. СИЮМИНУТНАЯ ГОТОВНОСТЬ... ИЗБАВИТЬСЯ ОТ КОНКУРЕНТОВ

13. Барбара Маккуин. «Я ЗНАЮ, ЧТО ВОЙНА — ЭТО АД»

14. Роберт Хершман. «БА, ДА ВЕДЬ ЭТО СУМАСШЕСТВИЕ!»

16. Энгус Маккиннон. «...ТИХОЕ ОТЧАЯНЬЕ — АНГЛИЙСКАЯ СУДЬБА»

18. Б. Сенькин. РАБОЧИЕ ВЫДВИГАЮТ АЛЬТЕРНАТИВУ

20. «ПОКУПАТЕЛИ С ВЫТАРАЩЕННЫМИ ГЛАЗАМИ»

21. Ульрих Шайбнер. ПЛЕННЫЙ № 618

22. Л. Переверзев. ЛИЧИНА И ЛИЦО

26. ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...

28. Найджел Ситуэлл. НЕССИ, УЛЫБНИТЕСЬ — СНИМАЕМ!

28. В. Симонов. ЭТИ ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ МУЖЧИНЫ НА ВЕЛОСИПЕДАХ

30. И. Горелов. ВСЯ БЛАГОРОДНАЯ РАТЬ

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ, А. С. ГРАЧЕВ, В. А. ГУСЕЙНОВ, М. А. ДРОБЫШЕВ, А. А. КАВЕРЗНЕВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ, С. Н. КОМИССАРОВ (зам. главного редактора), В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (ответственный секретарь), Б. А. СЕНЬКИН.

Художественный редактор О. С. Александрова

Оформление И. М. Неждановой

Технический редактор А. Т. Бугрова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефон 285-89-78. Рукописи не возвращаются. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 18.11.80. Подп. к печ. 26.12.80. А02751. Формат 84×108¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Уч.-изд. л. 5,4. Тираж 1 220 000 экз. Цена 25 коп. Заказ 1769.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Суцевская ул., 21.

Э тот номер «Ровесника» читатель раскроет в канун или в дни работы в столице Финляндии Всемирного форума молодежи и студентов за мир, разрядку и разоружение. Из сообщений газет, радио и телевидения каждый сможет узнать, как проходит в Хельсинки встреча представителей молодого поколения планеты, для которого вопросы разоружения, разрядки, мира — это в прямом смысле вопросы жизни и смерти.

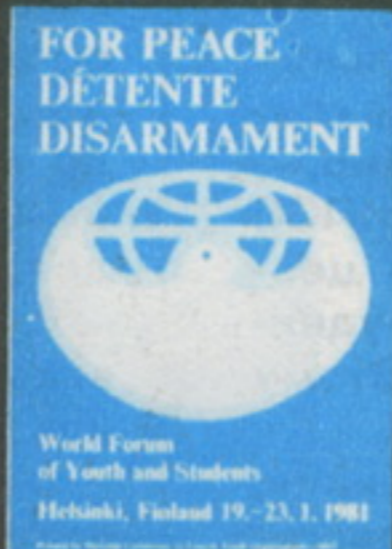
Но уже сейчас, когда по просьбе редакции пишутся эти строки, а до начала работы форума остается без малого два месяца, можно с уверенностью сказать, что его участники от имени миллионов и миллионов сверстников проголосуют за мир для своих стран и народов, для всего человечества, для себя и для грядущих поколений. И не просто проголосуют за мир, но и разработают конкретную программу борьбы с диверсиями империализма против мира, которые в последнее время приобретают все более опасный, провокационный и преступный характер.

В этой программе, бесспорно, найдет отражение огромный и неопределимый опыт предшествующих поколений молодых участников антивоенного движения, чьи самоотверженные усилия вливались в могучий протест миролюбивых сил против попыток империализма угрозой военного пожара шантажировать народы, требующие социальной справедливости, отстаивающие национальную независимость, избравшие социалистический путь развития, строящие реальный социализм.

Задумываясь над тем, какие цели преследуют милитаристы, подчас трудно отрешиться от впечатления, что они заражены бациллой самоуничтожения, движимы маниакальной идеей свергнуть человечество в непоправимую катастрофу, в которой не будет победителей, что речь идет о фанатиках-самоубийцах. Разумеется, это не так. Современному человечеству приходится иметь дело не с самоубийцами, а убийцами, которые, однако, во имя сохранения своего господства избрали самоубийственную политику спасения военными средствами того, что спасти невозможно. Беззащитному шантажу подвергается ни много ни мало поступательное движение истории, естественное стремление и воля народов идти по пути прогресса. В попытках остановить, повернуть вспять ход истории действительно проявляется безумие. Безумие тем более опасное, что оно охватило неизлечимо больной, но еще достаточно сильный, чтобы наделать массу бед, организм — капиталистическую систему.

«Современный милитаризм,— писал В. И. Ленин,— есть результат капитализма. В обеих своих формах он — «жизненное проявление» капитализма: как военная сила, употребляемая капиталистическими государствами при их внешних столкновениях («Militarismus nach aussen», как выражаются немцы) и как оружие, служащее в руках господствующих классов для подавления всякого рода (экономических и политических) движений пролетариата («Militarismus nach innen»).

Ленин написал эти строки еще до возникновения первого в мире социалистического государства. Ныне милитаризм «нах ауссен» (то есть «вовне») нацелен прежде всего против мирового социализма. Ставка на военную силу — последняя химера

ЭСТАФЕТУ БОРЬБЫ— МОЛОДОМУ ПОКОЛЕНИЮ ВОСЬМИДЕСЯТЫХ

В. АКСЕНОВ,
председатель Комитета
молодежных организаций
СССР

НАВСТРЕЧУ
XXVI
СЪЕЗДУ КПСС

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ОКАЗАЛОСЬ ПЕРЕД ВЫБОРОМ: ЛИБО НАРОДЫ И ГОСУДАРСТВА ПРИВЕДУТ В ДЕЙСТВИЕ ВСЕ СИЛЫ ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ МИРА, ЛИБО ОНИ БУДУТ БРОШЕНЫ В ПРОПАСТЬ ИСТРЕБИТЕЛЬНОЙ МИРОВОЙ ЯДЕРНОЙ ВОЙНЫ. МЫ УВЕРЕНЫ, ЧТО ЕСТЬ РЕАЛЬНАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ ВОВРЕМЯ ОБУЗДАТЬ ТЕХ, КТО, ДЕЛАЯ СТАВКУ НА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИЛЫ, СТРЕМЯСЬ К МИРОВОМУ ГОСПОДСТВУ, ТОЛКАЕТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО В ЭТУ ПРОПАСТЬ.

Из послания Л. И. Брежнев а участникам Всемирного парламента народов за мир (София, сентябрь 1980 г.)

империалистов в их попытках оттеснить социализм с высот мирового влияния, поскольку в мирном соревновании капитализм теряет одну позицию за другой.

Но дело не только в этом. Нарастивание военных мускулов — безудержная гонка вооружений — само по себе представляет наиболее доходный, наиболее выгодный бизнес — практически неконтролируемую форму грабежа народов.

В крупных и развитых капиталистических странах функционирует мощный механизм, интенсивно работающий на войну, — военно-промышленный комплекс. «Зловещий союз милитаристов-профессионалов с монополиями, богатеющими от изготовления орудий войны, — говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев, — который принято именовать военно-промышленным комплексом, стал там как бы «государством в государстве», приобрел самодовлеющую силу».

Нынешнее поколение молодых борцов за мир понимает, что упорство, с которым зловещий альянс монополий и милитаристов ведет подкоп под разрядку, объясняется в значительной степени прибыльностью военного бизнеса. В современных условиях военное производство выдвигается на такое же важное место в экономике империализма, какое в свое время занимала эксплуатация колоний. И так же, как во времена колониальных гра-

бежей капиталистов меньше всего беспокоила судьба ограбленных народов, сегодня их меньше всего беспокоят катастрофические для миллионов молодых людей последствия уродливого роста производства орудий смерти. Ведь разбухание военных бюджетов и военного бизнеса означает, что молодежь не может рассчитывать на стабильную занятость, ликвидацию или хотя бы существенное сокращение безработицы, свободный доступ к образованию, то есть на решение своих сокровенных проблем.

Молодежь все отчетливее видит взаимосвязь между гонкой вооружений и ухудшением своего положения и все отчетливее сознает, что политика мира, проводимая Советским Союзом, способствует созданию благоприятных условий для решения ее проблем.

«Сила нашей политики в том, — говорил товарищ Л. И. Брежнев, — что она отвечает жизненным интересам сотен миллионов людей во всем мире, всех, кому нужен мир, а не война, кому дорого созидание, а не разрушение, кто хочет сотрудничества и взаимопонимания между народами, а не отчужденности и вражды». И молодежь — естественный союзник и искренний сторонник именно этих людей, составляющих большинство человечества. Наследуя у старших поколений их веру и надежду, порожденные процессом разрядки, которая вызвана к жизни усилиями мирового социализма во главе с Советским Союзом, одухотво-

рена Программой мира, разработанной на XXIV и XXV съездах КПСС, молодежь 80-х годов не сможет, не захочет и не станет мириться с попытками отбросить ее назад, в мрак военного психоза.

В преддверии очередного, XXVI партийного съезда мы, советские люди, оглядываемся на пройденное десятилетие с чувством выполненного долга перед человечеством: наша партия, наше государство, весь наш народ и его молодое поколение делали все возможное, чтобы укреплять доверие и дружелюбие в отношениях между народами, избавить человечество от изнурительной и чреватой непредсказуемыми последствиями гонки вооружений. Эта позиция неизменна. «Мир,— сказал на июньском (1980 г.) Пленуме ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев,— это непреходящая ценность для человечества. Знамя мира и сотрудничества между народами поднял В. И. Ленин. Этому знамени мы будем верны».

Готовясь к Всемирному форуму в Хельсинки, советская молодежь может гордиться тем поистине историческим вкладом, который вносит в борьбу за сохранение и упрочение мира наша страна. Выдержка, последовательность, неизменная приверженность миру и высокая ответственность за его сохранение, преданность делу свободы и независимости народов — вот отличительные черты советской внешней политики. Только такая политика и может пользоваться доверием у народов. Именно этим объясняется широкая поддержка всеми миролюбивыми силами предложенных Советским Союзом с трибуны XXXV сессии Генеральной Ассамблеи ООН неотложных мер по уменьшению военной опасности.

В настоящее время в международном демократическом молодежном движении происходят значительные перемены. И пожалуй, самой существенной чертой этих перемен является расширение спектра тех политических сил, которые ведут совместную борьбу и на национальном и на международном уровне против гонки вооружений, за реальные меры по разоружению, за сокращение военных бюджетов.

Молодежное движение стало более зрелым и последовательным в проведении такой политики, обрело достаточный иммунитет к клевете тех, кто хотел бы рассорить народы. Показательно в этом смысле, что многие молодежные организации Запада не пошли на поводу у реакционных кругов своих стран и приняли участие в Международном молодежном лагере Игр XXII Олимпиады. Это убедительный пример того, что молодежь умеет отличить конструктивное направление в политике от узкокорыстного политиканства.

В активе антивоенного сотрудничества молодежи последних лет такие мощные кампании, как сбор подписей под новым Стокгольмским воззванием, осуждение агрессии Китая против Социалистической Республики Вьетнам, протесты против планов создания нейтронной бомбы и размещения в Западной Европе нового американского ракетно-ядерного оружия. Борьба за мир продолжается, ряды ее участников ширятся и крепнут. Это показал, например, и семинар «Молодежь и студенты Европы в борьбе за сохранение мира и разрядки, за безопасность, сотрудничество и разоружение», состоявшийся в ЧССР.

Ленинский комсомол, все молодежные организации нашей страны, представленные в КМО СССР, считают воспитание подрастающего поколения в духе мира одним из важных направлений борьбы за разрядку международной напряженности. Отчетливо представляя, в каких условиях пропагандистского давления, в какой атмосфере милитаристского психоза, клеветы на политику Советского Союза и других социалистических стран, беззастенчивой подтасовки фактов формируются взгляды молодого человека на Западе, нельзя не оценить усилия тех демократических, прогрессивных организаций в международном молодежном движении, которые понимают, как важно донести до молодежи правду о том, кто является подлинным сторонником мира и сотрудничества народов.

Разоблачение буржуазной пропаганды, протаскивающей идеи милитаризма на страницах учебников и в периодической печати, в фильмах, радио- и телепередачах,— это, по существу, борьба за умонастроения молодого поколения, за вовлечение все более широких масс молодежи в движение за мир. Ибо решение крупных проблем, затрагивающих молодежь самых различных стран, возможно только в условиях мира, причем мира стабильного, обеспеченного нормальными отношениями между государствами, разрядкой как на политическом, так и на военном уровне.

Содействие разрядке международной напряженности является одной из основных задач и такой качественно новой формы совместной работы, как учрежденная в октябре минувшего года Общеввропейская структура сотрудничества молодежи и студентов. В ходе регулярных ежегодных консультативных встреч организации, входящие в Общеввропейскую структуру, будут намечать планы совместных мероприятий, обмениваться информацией о своей деятельности, готовить рекомендации для общеввропейских правительственных встреч по вопросам молодежных связей и обменов, поддерживать контакты с учреждениями ООН. Таким образом, молодежные организации социалистических и капиталистических стран Европы смогут работать в пользу мира все вместе, на постоянной основе.

Борьба за мир объединяет людей разных возрастов и социальных групп, к ней приходят по-разному. На материалах этого номера «Ровесника» видно, как непросто бывает молодому человеку вырваться из липких сетей милитаристской пропаганды, разглядеть антигуманную суть политики нагнетания напряженности и гонки вооружений. Как еще и сегодня трудно и непросто прийти к решению включиться в активную борьбу против сил милитаризма, враждебных коренным интересам широких масс трудящихся.

Настроения миллионов и миллионов молодых людей, уже ведущих эту борьбу или готовых присоединиться к ней, и призван выразить Всемирный форум молодежи и студентов за мир, разрядку и разоружение. Молодежь понимает: атака, предпринятая в последнее время силами империализма, направлена на то, чтобы свести на нет успехи политики мира, разрядки и сотрудничества, достигнутые ценой огромных усилий. Эта атака против жизненных интересов молодого поколения. Дать ей отпор — значит выиграть битву за будущее.

ДВИЖИМЫЕ ИСКРЕННИМ ЖЕЛАНИЕМ ВЫВЕСТИ ИЗ ТУПИКА МНОГОЛЕТНИЕ УСИЛИЯ ПО ДОСТИЖЕНИЮ ВОЕННОЙ РАЗРЯДКИ В ЕВРОПЕ, ПОКАЗАТЬ ПРИМЕР ПЕРЕХОДА ОТ СЛОВ К РЕАЛЬНЫМ ДЕЛАМ, МЫ, ПО СОГЛАСОВАНИЮ С РУКОВОДСТВОМ ГДР И ПОСЛЕ КОНСУЛЬТАЦИЙ С ДРУГИМИ ГОСУДАРСТВАМИ — УЧАСТНИКАМИ ВАРШАВСКОГО ДОГОВОРА, ПРИНЯЛИ РЕШЕНИЕ СОКРАТИТЬ В ОДНОСТОРОННЕМ ПОРЯДКЕ ЧИСЛЕННОСТЬ СОВЕТСКИХ ВОЙСК В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ.

Л. И. Брежнев. Из речи в Берлине 6 октября 1979 года

ДО ВОКЗАЛА ОДИН МАРШ-БРОСОК

А. ЛОЗОВСКИЙ,
Г. МАЛАХОВ (фото),
наши спец. корры

... **А** капитан Кондратьев оставался. Погода была самая прощальная: дождик цокал по крышам теплушек, на платформах под мокрым брезентом стояли танки, бронетранспортеры и полевые кухни цвета хаки.

На соседних путях ждал семафора пригородный поезд. Была пятница, и многие жители города уезжали на дачи: апрельские сады скучают без хозяев.

Пассажиры из вагонов наблюдали за погрузкой. Немецкие железнодорожники в темно-синей строгой форме ходили вдоль военного состава — проверяли буксы. А наши техники в промасленных комбинезонах затягивали крепления на гусеницах и колесах (так конюхи треножат лошадей). Потом по команде «раз-два!» поднимали борта у платформ. Потом мыли руки от машинного масла в ведре с почерневшим бензином... И в 15.00 объявили обед. Прощальный обед на вокзале. Воины гремели мисками, как дети. И капитан Кондратьев, проходя мимо теплушки с дымной кухней, безошибочно определял, кто старослужащий,

а кто совсем недавно. Старослужащие очень ловко и бережно проносили над землей горячие миски со щами и садились на полу своих теплушек, свесив ноги в пыльных сапогах.

Но за час до отправки сапоги начистили до блеска.

— По вагонам!

Шустрый писарь по фамилии Чернов бежал вдоль эшелона к командиру. Он был высокий, белобрысый и худой, и все-таки шинель была ему длинна (но пусть об этом судит старшина). На бегу он улыбнулся нам с Кондратьевым: мы были пять минут знакомы. За эти пять минут до отправления рядовой Чернов успел рассказать, что он из Грозного и по призванию художник («Я в гарнизоне оставил свою картину — она висит в медсанбате. А в комендатуре оформил ленинскую комнату. Командующий лично похвалил...»).

Боттичелли, Дюрер, Корреджо, Джорджоне... Тициан, Веласкес, Мурильо... Рубенс, Рембрандт, Пуссен, Рафаэль... Рядовой Чернов любил бродить по вашим залам и эпохам. И молча с мастерами говорить. «В ваших картинах игра теней и света

была такой необъяснимой и прекрасной. Своих героев вы толкнули на бессмертие, господа мастера».

Кто же знал, что весной 1945 года эсэсовцы получают секретное задание: ликвидировать Дрезденскую галерею (вам и слова такие неизвестны — «ликвидировать»). Ваши полотна были замурованы в штопорах заброшенных шахт; «Сикстинская мадонна» похоронена в старом железнодорожном тоннеле у Ротвердорфа. Пещеры и подступы к ним добросовестные работники — эсэсовцы — тщательно заминировали.

Но кто же знал, что в те дни, когда советские войска подходили к Дрездену, перед 164-м батальоном 5-й гвардейской армии была поставлена секретная задача: вас спасти.

...И комбат, майор Перевозчиков, первым шагнул в тоннель. А когда человек первым идет в темноту, ему не надо закрывать глаза для храбрости.

Комбат в кромешной тьме наткнулся на кого-то. Это был пожилой немец Альфред Хезе, служащий картинной галереи. Он и помог найти в пещерах ваши полотна, полумертвые от сырости и грязи.

Так майор Перевозчиков со своим батальоном и служащий Альфред Хезе со своим добрым и честным сердцем спасли работы мастеров, чтобы Саша Чернов через 35 лет учился у них рисованию и любви к окружающей жизни...

— По вагонам! — вместо грома прозвучало под дождем.

Уже и пригородный шелохнулся и пошел развозить пассажиров по дачам.

И дали наконец зеленый военному эшелону с техникой и солдатами. И замелькали на стальных боках боевых машин красные эмблемы «СА» — Советская Армия.

Эшелон уходил на восток. А капитан Кондратьев оставался. Это были не первые проводы за последнее время. Первые проходили торжественнее: с оркестрами, цветами, речами, пионерами. На них присутствовали представители немецкой общности и западные журналисты. Митинги на вокзалах показывали в программе «Время». Немецкие пионеры-тельмановцы повязывали солдатам галстуки на память и дарили аккуратные пакеты с подарками.

В этот раз только мы с Кондратьевым стояли под дождем на пустом и холодном перроне. Капитану было тридцать три года, никакой войны он, конечно, не помнил, как и я. Но сейчас мы подумали об одном: все это уже было в нашей жизни — эшелон, команда «По вагонам!», посылный, бегущий вдоль состава. Только дачников не было, потому что была война.

...Интересно, если бы человек жил лишь собственной памятью, смог бы он иногда заботиться и думать о будущем, не зная прошлого? (Не о своем ближайшем — о далеком.)

Капитан Кондратьев еще и по долгу службы хранит воспоминания тридцатипятилетней давности (он работает в Политуправлении ГСВГ — Группы советских войск в Германии).

Воспоминания очевидцев той весны. Доклады, справки и приказы.

Из доклада начальника тыла Группы советских оккупационных войск в Германии генерал-лейтенанта Антипенко:

«Докладываю о реализации решений по Берлину:

На июнь выдано два миллиона восемьсот тысяч карточек. Сеть магазинов достаточна. Детям регулярно выдается молоко.

...Подключено к электросети: жилых домов — 33 000, водопроводных и канализационных станций — 51, бань — 4, прачечных — 7, парикмахерских — 480, пекарен — 1084. Восстановлено и включено свыше 3000 фонарей уличного освещения.

...Открыты и работают театры: Западный театр, где выступает балетная труппа, Ренессанс-театр (Коме-

дия), симфонический оркестр филармонии, в ближайшие дни будут работать оперный и драматический театры. Открыты и работают 127 кинотеатров, посещаемость которых от 80 до 100 тысяч человек в день».

О эти солнечные дни с высокой посещаемостью кинотеатров в прохладных сумерках весны! Бесценна тишина не в ожидании разрывов, а в ожидании бархатистого шороха старого занавеса — вот о чем в те дни подумали берлинцы, давно позабывшие мирную жизнь, растерявшие веру в нее вместе с лейками для чайных роз в момент бомбежки...

У них были лица беженцев, хотя многие из них оставались на местах — ожидать своей участи: дома больше надежды на бога. Впрочем, о какой надежде речь? Ведь Геббельс нарисовал немцам словесный портрет советского солдата — беспощадного и жестокого робота. Берлинцы никогда его не видели, но он неотвратимо приближался. Старушки судорожно молились в бетонных подвалах, отгоняя подолами крыс...

Он вошел в Берлин. Он был небритый, но строго стриженный под полубокс. На нем была телогрейка, заштопанная кое-как. И пилотка, сильно полинявшая, и большие, как валенки, сапоги.

(А иные были в одних гимнастерках, потому что весна наступила: уцелевшие липы цвели и каштаны.)

И не был он огромный, этот русский воин. Обычного среднего роста (но, правда, коренастый). Он убрал за спину свой тяжелый автомат ППШ с круглым диском, снял с плеча вещмешок. Развязал, достал оттуда хлеб и протянул берлинским детям. (Немцы, надо вам сказать, хлеба мало едят — только сдобные булочки к чаю на завтрак. А в ресторанах хлеб не подают.)

Те дети плакали и ели: голод обычаев не признает.

Потом и матери их вышли из подвалов: Геббельс оказался дрянным портретистом — не такого солдата он нарисовал. Немцы исподлобья разглядывали это усталое небритое лицо. А он их сразу узнал: и пацанов, и женщин, и старух. У них были лица беженцев — такие он видел в Смоленской области, и в Минске, и под Оршей несколько лет назад. Видел их и запомнил этот солдат 1-го Белорусского фронта. И пришел он в Берлин, чтобы раз и навсегда отменить устаревшие порядки и правила, по которым на земле должны быть беженцы.

Говорят, месть слепа. И зло порождает зло. Но ведь и добро порождает добро. И в этом его сила.

Так объяснял им усталый солдат 1-го Белорусского фронта — небольшой знаток немецкого языка и философии, но знаток и любимец жизни, которая четыре года отбива-

ла его у смерти. И отбила, и не отдала. Теперь он имеет право эту жизнь прославлять и носить на руках, как трехлетнюю девочку из Берлина нес под пулями старший сержант Николай Масалов, знаменщик 220-го гвардейского Запорожского полка. А точнее говоря, знаменщик мира.

4 мая 1945 года первый комендант Берлина генерал-полковник Берзарин издал приказ № 1. В нем, в частности, говорилось:

«Все коммунальные предприятия, все лечебные учреждения, все продовольственные торговые точки и пекарни немедленно приступают к работе. О всех запасах продуктов должно быть сообщено в течение 24 часов».

Из воспоминаний очевидцев, жителей Берлина:

«Советские власти помогали чем могли. Из своих собственных скромных запасов они выделяли для нас продукты. По улицам Берлина разъезжали советские военные машины, в кузове которых лежали не снаряды, а мешки с мукой.

Население Берлина стало получать продуктовые карточки. Что казалось невозможным, осуществилось: совместный труд антифашистских сил и советских людей помог преодолеть нависшую опасность голода. Иозеф Орлопп».

«Трудно представить себе, что было бы, если бы Советская Армия не взялась за наведение порядка в городе, не позаботилась о питании и санитарии. Возможно, сбылись бы кровавые желания Геббельса, мечтавшего о гибели немецкого народа после войны. Эдит Хёдинг».

...А на границе жаворонки пели, встречая тридцать пятую весну без артобстрела. Никто их песни не испортил. Танки не мяли прибрежной травы. И не пьянела пехота от хмельного запаха земли, вспаханной снарядами противника.

Лишь маленький пластмассовый «трабант», как упрямый бычок, пробивался по полю, объезжая кусты. И по Одере против течения, отдуваясь, плыл буксир. И в ста метрах от берега, на проселочной дороге хороводом стояла экскурсия, а в центре худенький экскурсовод с карими глазами — Сабина Зимон, учительница истории из Зеелова.

В своей школе она организовала кружок юных историков, чтобы па-

доложил об этом в вермахт. И самолеты вермахта бомбили Зеелов и разрушили 80 процентов зданий.

Пожилые люди вспоминали те дни по просьбе наших пионеров. Моя задача воспитать в детях совсем другое отношение к Советской Армии.

— Это наша общая задача, — тихо сказал капитан Кондратьев. (Он тоже был сегодня экскурсантом, вместе с женой и сыном.)

А я подумал, глядя на него: невероятно трудная задача, капитан, была тогда, весной на Одере. Разве возможно было в 45-м году с оружием в руках завоевать признательность немецкого народа? Благодарность на оккупированной террито-

куда-то в сторону и в поле. Вот только прыгнуть не успел. И орден получил посмертно. Орден Отечественной войны I степени.

«Но выше Жизни и Смерти, пронзающее, как свет, нас требует что-то Третье, — чем выделен человек.

Животные жизнь берут. Лишь люди жизнь отдают.

Тревожаще и прожекторно в отличие от зверей, — способность к самопожертвованию единственна у людей...»

Ефрейтор Супрунов во время наводнения спас от смерти семьдесят немецких семей.

Военный водитель Алексей Сельцов вынес из горящего дома пятерых немецких детей.

Старшина Щербинин награжден медалью ГДР «За спасение жизни». Четверо мальчишек, которых старшина вытащил на берег из ледяной воды, теперь уже стали мужчинами и научились плавать, я надеюсь...

В эти выходные дни — субботу и воскресенье — Кондратьев был организатором традиционной встречи

мять тех лет сохранялась не только в учебниках, но и в каждом детском сердце. Оно станет сильным — это сердце, если ему доверишь правду.

— 31 января 1945 года части 2-й гвардейской танковой армии вышли на Одер, — рассказывала Сабина. — Но при форсировании реки лед не выдержал, и два первых танка провалились на дно. Потом их вытаскивали тросами...

Недавно юным историкам из нашей школы удалось установить номера этих машин, узнать имена танкистов. Оба экипажа остались живы...

Как только советские войска вошли в Зеелов, сын местного кулака

рии? (Даже эта фраза режет слух, и слышится в ней горькая ирония.) Но ведь четыре года мы расплачивались с фашизмом кровью своих отцов не за будущую ненависть к нам, я надеюсь?..

Солдаты наши в ГДР честно заслужили доброе отношение к себе мирных жителей в мирное время. 35 лет — достаточный срок для того, чтобы убедиться окончательно, кто твой друг.

Летчик-майор Иванушкин, который не воспользовался правом катапультироваться из падающего самолета. Потому что его самолет падал на город, на крыши домов... Иванушкин увел машину от беды

офицеров ННА (Национальной народной армии ГДР) и молодых офицеров ГСВГ (Группы советских войск в Германии) с семьями.

Во время встречи Кондратьев обещал познакомить меня со своим другом — майором Манфредом Марко.

И вот теперь мы ехали в «Икарусе» к Зееловским высотам, и Манфред на ходу раздавал детям жвачку, улыбаясь как Санта-Клаус. ...Сабина попросила водителя ос-

тановиться в Кинице у памятника. Это был танк на постаменте. Сколько же тридцатьчетверок стали монументами славы в России, да и по всей Европе?

«Под Киницем, западнее реки Одер, части 1-го Белорусского фронта создали 31 января 1945 года первый плацдарм. Таким образом, Киниц стал первым населенным пунктом на территории сегодняшней Германской Демократической Республики, освобожденным от фашизма».

— Жители сами, добровольно строили постамент для памятника, — сказала Сабина. — Танк въехал на постамент самостоятельно — он действующий. И жители долго думали, куда направить пушку: на запад? На восток? Решили — на север и в небо.

А еще из окна «Икаруса» мы видели наш бронетранспортер, впряженный в плуг. И это никого не удивило, кроме меня. Все понимали, что пора пахать. А списанная гусеничная техника давно и успешно работает в сельском хозяйстве республики.

...На Зееловских высотах стоит автоматчик в накидке. Над головой знамена и живые цветы у ног, очень много цветов. Но хватит ли на всех погибших, если только отсюда, с этого крошечного пятка земли, 30 тысяч солдат не вернулись домой?

Никогда им не хватит цветов.

Здесь на мраморных плитах читаю: «Сержант Песня Д. Д. 1925—1945». А далее — «Неизвестно», «Неизвестно», «Неизвестно»...

Мой старший друг, сам прошедший военное детство на оккупированной Украине, нашел всему этому точное название: «Горечь близкой Победы».

Вот только объяснения не нашел тому, как можно в двадцать лет упасть весной на землю и не встать. И зарыться лицом в полевые цветы навсегда.

Сегодня у подножия обелиска молодые войны Национальной народной армии ГДР принимают присягу.

Как важно сегодня, чтобы торжественные слова ее о долге и чести совпали с их собственными жизненными принципами. Слишком много зависит от этого — и цена и смысл наших жертв. И надежды, и общие планы на завтра.

Вот о чем говорили мы с Манфредом Марко в старинном парке в местечке Гарцау, куда приехали с Зееловских высот.

...Говорили также о его судьбе. Она аккуратно вписывалась в историю его республики, как, скажем, красные черепичные крыши или стриженные липы вдоль чистых дорог вписываются в немецкий пейзаж. А сказочно-игрушечные домики с палисадниками под окнами вызывают естественное желание в них

пожить, погрузиться о юности, написать стихи...

Манфред родился в 1944 году. Конечно, он не помнит, что там было в 45-м. Но дедушка, рабочий стеклофабрики, и бабушка, домашняя хозяйка, хорошо запомнили те дни. От них все Манфред и узнал. И мне рассказывал по-русски:

— Фашисты распространили слух, что советские войска всех расстреливают. И началось бегство на запад. И мои дедушка с бабушкой побежали со мной, почти годовалым. И возле Дрездена спрятались в каком-то разбитом доме... Вдруг дверь открылась, и вошли советские солдаты. Первые их слова были: «Фашисты есть?» А вторые: «Ой, какой маленький там!» Меня взяли на руки и подбрасывали в воздух. И дали мне первое молоко и первый хлеб. Позже дедушка с бабушкой вернулись домой: поняли, что все это большая ложь была насчет русских.

А через несколько лет Манфред подрос и убедился в этом сам.

— Рядом с нашим городом был полигон. Мы, мальчишки, знали, когда по расписанию приходит эшелон с советскими солдатами. И бежали к поезду: там нас всегда угощали. С питанием тогда было трудно.

Он говорил по-русски почти без акцента, и я не спрашивал, откуда это. Кондратьев объяснил, что Манфред четыре года учился в Москве в Военно-политической академии имени В. И. Ленина. А жил в Измайлове с женой и сыном Томасом,

который ходил в советский детский сад. Там же, в Первомайском районе, родился младший сын, названный Андреем в честь Болконского.

— Во время учебы я был в Волгограде. Однажды мы шли по парку и увидели на скамейке молодую пару с девочкой лет пяти. Папа был в военной форме. Я подарил девочке значок. И она меня спросила: «А у вас есть сын или дочь?» Я говорю: «Есть. Один даже москвич». Оказалось, что эта девочка родилась в ГДР — папа там служил... Да, — сказал Манфред, — сегодня это уже

так: наши дети рождаются у вас, ваши — у нас.

Еще в автобусе Кондратьев меня предупредил: «Будешь разговаривать с Манфредом, спроси про гильзу». Я спросил.

— А, значит, Валера помнит! — улыбнулся майор. — Это было тоже в Волгограде, в семьдесят седьмом году. Мы там встречались с одним

ветераном войны — старшим лейтенантом запаса Смирновым. Когда обменивались сувенирами, он сказал: «Я вручаю тебе самый лучший подарок». И дал гильзу от немецкой винтовки. Я смотрел на этот патрон и думал: как же так?.. А он объяснил, в чем дело. Когда закончилась Сталинградская битва, саперы стали находить и раскапывать боеприпасы. И нашли ящики с патронами. Открыли. А в гильзах вместо пороха чистый песок. Видимо, на этих военных заводах работали антифашисты. Под угрозой расстрела работали...

«Значит, наша дружба имеет прочные корни», — сказал я тогда Смирнову.

Снова дождь пошел, и в парке хорошо запахло хвоей. Дети играли в салочки и ни дождя, ни запахов не замечали... И я подумал о вчерашнем дне, о длинном эшелоне, о танках под брезентом, о мальчишках, которые спят сейчас в теплушках, с головою накрывшись шинелью. И кто-нибудь из них на полустанке, как обычно, побежит за кипятком...

Манфред мне признался:

— Мы не аплодируем выводу советских войск, хотя понимаем, что этот шаг необходим для мира. Нашим воинам не так легко простаться с вашими товарищами. Они хорошо дружили и стояли вместе на посту... 20 тысяч солдат и тысяча танков — это большой пробел для нас. Чем мы сможем его заполнить? Только отличной службой.

Мы многому научились у ваших солдат и офицеров. Сегодня братство по оружию — это не только митинги. Это совместная боевая под-

готовка, участие в учениях, маневрах.

Офицеры ННА стараются воспитывать солдат на прогрессивных традициях немецкого рабочего движения. Многие наши части носят имена видных антифашистов, героев подполья. В каждом полку работают кружки традиций, которыми руководят члены ССНМ. И так же, как у вас в армии музеи боевой славы, у нас есть комнаты традиций. Во многих из них висят на стене карты, на которых обозначен боевой путь соседнего братского полка Советской Армии. Существует даже такой термин «два полка рядом». Это значит, воины двух подразделений соревнуются в боевой и физической подготовке, приезжают друг к другу в гости с концертами самодеятельности...

...У стеклянных дверей старинного дома, в который мы сбежали от дождя, Манфред Марко оглянулся на парк и крикнул:

— Томас! Зови ребят. Идите ужинать.

— Ура! — закричал из кустов Вадим, сын Кондратьева.

— Ну вот, — произнес майор задумчиво, глядя вслед бегущим детям, — теперь дело Запада ответить на этот шаг Советского правительства по сокращению вооруженных сил в Европе. Только в ФРГ постоянно находятся 200 тысяч американских солдат. Значит, есть что сокращать.

...Погода была самая прощальная: дождик цокал по крышам Гарцау. И мы уезжали. А капитан Кондратьев оставался.

Берлин — Москва

“ЗАЧЕМ МНЕ ЗНАТЬ,
ПОЧЕМУ БЫЛА
ВОЙНА?”

Часто, когда автор слов песни неизвестен, говорят: слова народные. Неизвестно, чья рука вывела надпись «ami, go home» — «Американцы, убирайтесь домой» — на стене дома в районе учебного уличного боя американских пехотинцев, расквартированных в ФРГ. И есть все основания считать эти слова выражением воли немецкого народа, который не хочет, не может хотеть, чтобы собственные или заокеанские милитаристы вновь ввергли его в пучину войны.

Эрнст ЛАУИНГЕР, 16 лет
(письмо в журнал «Элан», ФРГ)

В школе на уроках истории мы много говорили о войне. Учитель рассказывал об ужасах, о страданиях, которые причинила война. Но все-таки я чувствовал, что далеко не все понимаю. Чем больше я узнавал о войне, тем больше возникало вопросов. Сам я разобраться в них не мог. И носить их в себе тоже не мог. Хотелось с кем-нибудь поговорить, поспорить.

Многое я узнал от бабушки и дедушки. Они сами пережили две войны. Дедушка помнит еще первую мировую войну, хотя он был тогда совсем маленьким. «Мы жили впроголодь. Было очень трудно, — говорил он. — Я возненавидел войну». Когда началась вторая мировая война, ему было противно отправляться воевать, как скот на бойню, чтобы или его убили, или он неизвестно за что убивал других. И он не хотел оставлять жену с ребенком на руках (моим будущим отцом). Но его не спрашивали. Одели в форму и марш на фронт. Бабушке трудно жилось одной. Она проклинала войну, причем часто делала это вслух. Поэтому однажды за ней пришли из гестапо, это была тайная полиция Гитлера. Ее посадили в тюрьму...

Дедушка попал в плен. А наш дом разбомбили. Когда кончилась война, дедушка заново отстроил разрушенный дом, хотя это было очень трудно в те времена. Но в этом доме жили его родители и их родители, и он не хотел его бросать. Ему помогли знакомые крестьяне. Расчистили место от обломков, засыпали бомбовые воронки и первым делом посадили картошку, так как это было голодное время. Я люблю и уважаю дедушку и бабушку и таких людей, как они, которые своими руками восстанавливали страну.

Дедушка, ему сейчас шестьдесят девять, всем говорит: «Не желаю, чтобы моему внуку пришлось испытать то, через что прошел я». Поэтому мы повесили над нашим домом большой транспарант со словами: «Свобода — Мир».

Даже сейчас, спустя тридцать пять лет после войны, дедушка и бабушка испуганно вздрагивают, когда завывает сирена учебной тревоги. По их рассказам я хорошо представлял себе, как все тогда происходило. И до поры до времени мне хватало того, что я узнал от них. Я не особенно задумывался над услышанным. Ну было и было. Я-то живу в мирное время.

Но постепенно мне все чаще стал приходиться в голову один и тот же вопрос: как могло до этого дойти! Однажды я попробовал заговорить на эту тему с приятелем. Он посмотрел на меня как на помешанного и сказал: «Нашел над чем ломать голову. У меня все нормально. А если у других что-то не так, мне какое дело! Ты просто идиот, если считаешь, что надо усложнять себе жизнь. Это не наше дело, не наши проблемы. Брось, все это ерунда, от которой никакого толку».

Тут я задумался. Может, он прав! Зачем мне знать, почему была война! Зачем беспокоиться о чужих несчастьях, если они не касаются лично меня! И я решил выбросить из головы вопросы, на которые не мог найти ответа. Дома я с этими вопросами ни к кому не приставал, думал, все равно никто мне на них не ответит.

Потом я познакомился с ребятами, с которыми сразу нашел общий язык. Я мог говорить с ними о чем угодно — хоть о дразгах в школе, хоть о своих личных

AMI
GO
HOME

делах, — и меня понимали и старались мне помочь. Я стал им полностью доверять — настолько, что в один прекрасный день спросил, что они думают о войне и разоружении. Верят ли они, что есть смысл и нам самим что-то делать в этом направлении. [Я так и не смог выбросить эти вопросы из головы, они все время не давали мне покоя.]

Тогда мои новые друзья показали мне фотографии из Вьетнама. Разрушенные города, искалеченная земля, трупы сожженных напалмом детей и подростков не старше меня. Фотографии, оказывается, были сделаны совсем недавно.

Меня охватил страх. Я представил себе, что было бы, если бы сейчас война началась здесь, у нас. Мне вдруг стало ясно, что я сам должен что-нибудь делать, чтобы этого не случилось. Делать не откладывая. Здесь и сейчас. Такая возможность была. Например, участвовать в демонстрациях против войны и за разоружение, за солидарность с Вьетнамом.

Тут, однако, у меня появились новые сомнения. С одной стороны, мне стало ясно, что надо отстаивать свою правду, но с другой — всегда ли мы можем настоять на своих требованиях! Ведь что получается, например, в учебных мастерских, где я работаю! Согласно инструкции мы должны вести журнал отчетов о своей работе в рабочее время. Но мастер взял да

повесил объявление, что впредь мы будем этим заниматься по пятницам после работы. Это же настоящее самоуправство. Но никто из подмастерьев ему не возразил. И если я не смог убедить товарищей выступить в свою защиту даже по такому поводу, что говорить о более серьезных вещах! О разоружении, например.

Они мне говорят: «В Бонне должны вооружаться, потому что на Востоке тоже вооружаются». Они даже не знают, что Советский Союз первым предложил планы разоружения. А когда им об этом скажешь, пожимают плечами: «Какой толк нам об этом спорить! Это высокая политика, она не для нас. Кто специально учился, тот пусть ею и занимается». Я теряюсь при таких ответах. Думаю: может, я действительно слишком наивен, раз не усвоил такую простую для них истину! И значит, я зря стараюсь переубедить их!

Но вскоре я опять поверил в свои силы. В нашем квартале мы своими руками выстроили молодежный центр. Я почувствовал, что не один, рядом друзья. И хотя мы не каждый вопрос решаем сразу и без труда, я теперь знаю по собственному опыту, что при достаточном упорстве мы своего добьемся. Это относится и к такому вопросу «высокой политики», как разоружение. Я верю, что мир будет обеспечен. Потому что мы правы в своей борьбе.

СИЮМИНУТНАЯ ГОТОВНОСТЬ... ИЗБАВИТЬСЯ ОТ КОНКУРЕНТОВ

Началось с того, что у нас отобрали кусок земли для устройства американского полигона. Потом отрезали еще: американцам понадобился аэродром. Теперь, пожалуйста, они получили нашу землю, а мы взамен этот грохот...

Последние слова крестьянина покрывает оглушительный рев приземляющегося вертолета военно-воздушных сил США. Идиллия знаменитого южнобаварского курорта Бад-Тельц приказала долго жить. Те, кто еще приезжает сюда в поисках тишины и покоя, оказываются жертвами громоподобной шоковой терапии.

У самого въезда на курорт в гигантском казарменном комплексе расположились специальные парашютно-десантные войска «зеленые береты». Над воротами красуется щит с надписью: «Казармы базы «Флинт» Армии США». При нацистах в этих казармах размещалось училище СС. Того, кто здесь осмелится расспрашивать об американцах и появится с фотоаппаратом вблизи казарм, без промедления берут в оборот.

— И долго вы тут крутитесь с фотоаппаратом! — допытывается у меня американский солдат. — Вы коммунист, да!

— Не обращайтесь внимания, — говорит переводчица. — Они на этом чокнутые. В каждом видят коммуниста.

Представитель базы «Флинт» по связям с печатью Хельмут Уэйндр сообщает нам не без гордости:

— Наша часть единственная из всех войск США на территории Федеративной Республики находится в сюминутной боевой готовности.

В военном городке бундесвера, расположенном как раз напротив американской базы, по этому поводу замечают:

— Нам даже радио незачем слушать. Когда где-нибудь в мире происходит обострение, об этом можно узнать, взглянув на ворота «Флинта». Если они наглухо закрыты, значит, где-то на земном шаре горячо.

Ворота закрывались, когда в Тегеране было захвачено американское посольство. «Зеленые береты» в Бад-Тельце были приведены в состояние полной боеготовности.

Выполняя задание, эти каратели не будут особо церемониться. Достаточно взглянуть на дорожные щиты, стоящие на перекрестке у ворот казарм. «Destroy Iran!» («Уничтожь Иран!») — написано на них черным фломастером. Но войска США, расквартированные в Федеративной Республике, готовы по знаку своего президента сеять смерть и разрушения не только в Иране или других государствах Азии и Африки.

Они уже сейчас сеют разрушения в нашей стране всякий раз, когда репетируется «настоящее дело».

Во время маневров НАТО «Джомкиппур» американские войска действовали «как никогда бесцеремонно», по выражению земельного советника Баварии. Его просьбу прервать маневры ввиду тяжелого ущерба лугам и полям американское командование даже не удостоило ответом.

Жители деревень Кемнат и Десвиц в Верхнем Пфальце несколько дней страдали зудом, тошнотой и удушьем. Незадолго до этого массового заболевания американские солдаты отрабатывали в окрестностях деревень обращение с боевыми отравляющими веществами. Теперь вокруг Кемната нельзя выращивать ни фрукты, ни овощи, ни хлеб, ни зеленые корма. По словам очевидцев, зараженная местность выглядит «как Вьетнам после налетов американской авиации».

Ничего удивительного. Именно во Вьетнаме, применяя напалм и «ковровые бомбардировки», набирались опыта боль-

Юрген ПОМОРИН,
западногерманский журналист

шинство американских офицеров и их специальные части, которые теперь квартируют у нас. И в первую очередь «зеленые береты».

В момент, когда пишутся эти строки, американская бронетанковая дивизия «Вперед», прозванная «Ад на колесах», невзирая на отчаянные протесты местного населения, калечит любимое место отдыха — Карлштедтские луга.

В нескольких километрах от города Аугсбург, насчитывающего четверть миллиона жителей, размещены ракеты «Першинг-1» с ядерными боеголовками. До 1983 года их предполагают заменить новыми ракетами «Першинг-2», и тогда этот благословенный уголок в предгорьях Альп окончательно превратится в рассадник страха.

Согласно планам Пентагона фронт в случае войны должен будет проходить по линии Лех — Везер. Американские генералы педантично предусмотрели все, чтобы ни одна федеральная земля не осталась в стороне от атомной опасности. Ракеты с ядерными боеголовками, склады боеприпасов и казармы рассыпаны по всей территории нашей страны, повсюду можно встретить ландшафты, напоминающие скопления лунных кратеров, — это полигоны американских войск.

Политики США хотят заставить население и солдат других стран проливать кровь за американские интересы. На этот счет есть откровенные высказывания. Еще в 1949 году председатель финансовой комиссии палаты представителей США Кэннон без краски стыда заявил: «Мы должны вооружать солдат других стран, чтобы они посылали воевать с воюю молодежь».

Западная Европа рассматривается как «передовая линия обороны США». Взгляните на фотографию снятого со спины американского пехотинца в кожаной куртке, и вам станет ясно, как американская военщина мыслит себе эту линию: в 1982 году флаг США, оказывается, должен будет развеваться над Польшей...

Ничего общего с обороной не имеют и военные планы Пентагона против Ирана и других стран Ближнего Востока. Это откровенно агрессивные планы, в которые США пытаются втянуть и нашу страну.

Американские оккупанты не укрепляют безопасность нашей страны, напротив, они подвергают ее военной угрозе. Более того, они планируют ее уничтожение. Сошлюсь на авторитетное свидетельство французского адмирала Антуана Сангинетти, бывшего командующего средиземноморским флотом Франции. Он обвинял США в том, что они не просто смирились с возможностью войны в Центральной Европе, но и замышляют ее сами, так как американским монополиям избавление от европейской конкуренции было бы только на руку. «Американские офицеры высказывали мне эту мысль неоднократно, — писал Сангинетти. — Они говорили мне во всеуслышание: «Вот увидите, в один прекрасный день мы, американцы, должны будем подумать об уничтожении Европы. Потому что вы стали для нас самым сильным конкурентом».

Правящие круги США трубят в военные трубы. Они вооружаются для войны в районе Персидского залива, в других точках земного шара... И при этом требуют, чтобы мы очертя голову следовали за ними...

Два материала из Соединенных Штатов — начинающей журналистки о массовой антивоенной демонстрации в Вашингтоне и корреспондента журнала «Атлантик» о сопротивлении жителей штатов Невада и Юта планам размещения на их землях ракет «МХ» — представляют интерес различием в точках зрения их авторов на проблему, которая тревожит американское общество. И если девушка из Нью-Йорка нащупывает путь от общего неприятия войны к организованной борьбе с милитаризмом, то автор очерка, опубликованного журналом «Атлантик», показывает, что политика гонки вооружений несет угрозу природе и экономике огромных районов, здоровью их жителей.

«Я ЗНАЮ, ЧТО ВОЙНА — ЭТО АД»

Барбара МАККУИН, 19 лет

Мне никак не удавалось разобраться в самой себе. Допустим, говорила я себе, я окажусь лицом к лицу с врагом. Способна я буду тогда убить? Могу ли я сама сознательно пойти на смерть? А ради чего? Я думала, но ответа не находила.

Я знаю, что война — это ад, и ничто из опыта моих девятнадцати лет жизни не оправдывает этого ада. Я читала антивоенные книги, смотрела фильмы, вызывающие отвращение к войне.

Ни за что на свете не хотела бы я попасть в такую мясорубку. Сердце у меня не подпрыгивало от жажды победы, когда мой брат кричал, что надо взорвать Иран. Я не ощутила прилива патриотизма оттого, что президент Картер на несколько месяцев забаррикадировался в Вашингтоне «во имя разрешения национального кризиса» из-за Ирана, и не горела желанием увидеть ядерное опустошение вокруг Персидского залива. В страхе перед будущим, в страхе перед необходимостью сделать выбор я размышляла о том, в чем же состоит мой долг перед страной, которую я называю своим домом. Неужели, чтобы доказать свою преданность ей, я должна напялить хаки, остричь волосы покороче и с шести утра день напролет выкрикивать: «Так точно, сэр» и «Никак нет, сэр»?

Нет, это было не по мне. Что касается армии, то в ней я видела своего врага, который обучает, как убивать и не делать из этого трагедии.

Нет, я не гожусь в солдаты, я не способна взять винтовку и убить человека. Нам нельзя играть в войну. Мы слишком телесны, чтобы не бояться радиации, которая пронзит нас в случае войны. Я прокляла вояк, которые держат палец на ядерной кнопке «во имя цивилизации». Я обнаружила, что не вижу, ради чего могла бы пожертвовать жизнью, и тогда, отчитав себя за эгоизм, стала думать, ради чего надо жить.

Едва услышав, что 22 марта намечается антивоенная демонстрация, я решила: поеду. Будет весенний день, я наберу с собой еды, надену длинную широкую юбку, которая красиво развеивается на ветру, буду много-много петь.

Но утро этого дня в Нью-Йорке остудило мой пыл... Пока я добралась до Четвертой Западной улицы, где ждали автобусы, моим единственным желанием в жизни стала чашка горячего чая. Заполучив ее, я была вполне счастлива и полдороги от Нью-Йорка до Вашингтона сладко проспала.

Очнувшись, я почувствовала себя одиноко. Люди в автобусе были чужие и разные, и, казалось, им нет

дела ни до кого, кроме себя. Одни были молодые, другие постарше, одни — явно новички, другие — ветераны движения. Я привыкла ходить на демонстрации с близкими друзьями и теперь робела, боялась заговорить с незнакомыми людьми.

Вашингтон ошеломил меня озорным ветром, толпами людей, пестротой красок. Плащи и джинсы, длинные юбки и галстуки, индейские накидки и разрисованные лица, несколько американских флагов и плакаты... Я втиснулась в толпу и с благодарностью ощутила ее человеческое тепло. Она потащила меня к Капитолию. Мелькали лица, я не успевала их различать.

Вдоль всего маршрута стояли полицейские. Под каждым шлемом каменное лицо. Во мне колыхнулся страх. Показалось, что шаткое равновесие напряженности вот-вот опрокинется, и тогда, как это часто бывает, начнется рукопашная.

Узнав, что в парке Лафайетт собирается группа женщин, я старалась ее не пропустить, когда колонна шла мимо парка. Наконец я увидела их. Одна из них, красавица с роскошной копной волос и яркими голубыми глазами, спросила, не хочу ли я присоединиться к ним. Она еще спрашивала! Я почувствовала себя увереннее.

Мне тут же вручили листовки, из которых я узнала о решимости моих старших подруг найти мирные пути борьбы за свободу и справедливость. Брошюры напоминали о моем праве заявить «нет» милитаризму и вести против него организованную борьбу.

Впереди маячил купол Капитолия, красивый, как на открытке. Вслед за нами шла нью-йоркская организация «Черные ветераны — за социальную справедливость». Ветераны были одеты в черное, красное и зеленое. Я услышала, как один из них сказал сборщикам пожертвований, что они обращаются не по адресу: «Мы только что прошли мимо министерства финансов». Мне было известно, что самые тяжелые потери на войне несли негры и чиканос, и эти люди вправе требовать, чтобы их голос был услышан. Они начали скандировать: «Не хотим войны!» Мало-помалу слова стали произноситься нараспев, родилась мелодия, и вот уже песня летела над толпой. Как своеобразно умеют люди выразить себя, подумала я, какой свой, неповторимый голос они для этого находят!

Люди несли плакаты с надписями: «Средства на образование и безработным!», «Долой империализм США!», «Прекратить гонку вооружений!», «Помните Вьетнам!»

Одни демонстранты были моими ровесниками. Другие уже имели опыт войны или антивоенных выступлений. Было много и таких, в чьей судьбе оставили след не только война во Вьетнаме с первых ее дней, но и события до нее. Это же вся моя жизнь, мои девятнадцать лет, а одни и те же вопросы ставятся снова и снова и с каждым разом все с большим отчаянием.

Я чувствовала внутреннюю энергию марша, но, несмотря на царившее вокруг возбуждение, на плакаты и флаги, в душе я пока оставалась невзволнованной, спокойной. Меня особенно удручало опасение, что остальные тоже не чувствуют себя частицей чего-то общего, единого. А я хотела быть взволнованной. Я хотела написать ликующий репортаж о том, какой прилив сил, какое чувство единения и просветления я пережила. Подумав, что такого репортажа не получится, я приуныла и, помимо собственной воли, начала раздумывать о том, как бы я воспринимала происходящее, если бы не собиралась писать репортаж и не прислушивалась к своим чувствам.

Из этого состояния меня вывели Кэти Энджел, Эд Хидманн и мой друг Матисс, активисты антивоенного движения. Кэти считала своей обязанностью подбадривать людей, внушать им уверенность в себе и своей необходимости для общего дела. Матисс надеялся, что наше выступление поможет определить конкретные цели и обязательства участников антивоенного движения с тем, чтобы работать дальше. Эта демонстрация, по его мнению, только начало.

После разговора с этими ребятами я почувствовала, что, оставаясь безучастным к политике, оставаясь пассивным, нельзя ощущать себя честным человеком, смотреть людям прямо в глаза.

К концу дня я набрела на группу моих однокашников. Мы обрадовались друг другу, перебросились несколькими словами о том, что видели в течение дня. Мне вручили лепешку и красивую открытку с Айседорой Дункан. Я словно окунулась в детство, на миг позабыв обо всем. Но только на миг. Я была уже посторонней в кругу моих милых друзей детства. Я смотрела, как они танцевали и прыгали, как трясли в упоении лохмами, но меня не тянуло присоединиться к их веселью. Они для меня были детьми цветов в поднебесье, с которого я уже сошла на землю.

Это было грустно, но в то же время во мне появилась уверенность, что я попала в ногу со временем, которое взывает к живущим от имени мертвых.

Я высмотрела в толпе подругу, с которой кончала школу. Мы обнялись и улыбнулись друг другу. Этой улыбкой, как мне показалось, мы подтвердили нашу верность борьбе против милитаризма и атомной бомбы.

Заиграла веселая музыка. Облака, словно ее только и ждали, расступились, и выглянуло солнце.

Уезжая, я знала, что в этот день произошло мое расставание с детством.

Перевел с английского И. ЦЕТНЕРОВИЧ

«БА, ДА ВЕДЬ ЭТО СУМАСШЕСТВИЕ!»

Роберт ХЕРШМАН,
американский журналист

Так называемая Большая котловина простирается на восточную половину штата Невада и западную часть штата Юта. В зимние месяцы на эту полынную равнину спускаются с гор стада. К северу от Лас-Вегаса пасутся на воле быки и дикие лошади. В старом шахтерском городке Пиоче магазины открыты только до полудня. Потом начинается меновая торговля. Пастухи с окрестных ранчо предлагают диких лошадей в обмен на перец и пиво.

Холодными звездными ночами индейцы племени западных шошонов расставляют вдоль трассы таблички с надписью: «Вы въезжаете на индейскую землю». Однако редко кто из путешественников, мчащихся на автомобилях между Лас-Вегасом и Большим Соленым озером, об этом знает. Патрули дорожной полиции успевают убрать таблички еще до наступления утра.

По обе стороны дороги широко стелется равнина,

взгляду здесь не на чем остановиться, пока он не упирается в далекие склоны гор, покрытые рыжим кустарником. Над всем этим привольем какое-то особенно высокое, необъятное небо. Таков здешний Запад, край американской мифологии, земля великих мечтаний. Человек за баранкой ловит себя на мысли: «Наверняка кто-то должен строить большие планы насчет этих просторов».

Такой план уже есть, один из самых грандиозных в мире. Его проведением в жизнь занимается бригадный генерал ВВС США Гай Л. Хеккер. Задача генерала монументальна, под стать пейзажу: разместить в Большой котловине к 1989 году двести баллистических ракет «МХ» (читается «эм-икс». — Примеч. ред.). Каждый из этих монстров весом в девяносто пять тонн снабжен десятью ядерными боеголовками индивидуального наведения.

Развертывание мобильных комплексов «МХ» означает

нечто большее, чем просто установку ракет на стартовых площадках. Каждая ракета будет иметь по двадцать три подземных пусковых площадки и курсировать между ними по «треку» длиной в пятнадцать миль. Чтобы осуществить этот проект, военно-воздушным силам придется потратить 33 миллиарда долларов, использовать почти 9 тысяч квадратных миль общественных земель, нанять, как минимум, 30 тысяч рабочих, проложить 10 тысяч миль бетонированных дорог и израсходовать более 100 миллиардов галлонов воды и два миллиона тонн цемента. В общем, генерал Хеккер имел основания назвать строительство «МХ» «величайшим в истории человечества, более грандиозным, чем Великая китайская стена, египетские пирамиды, аляскинский нефтепровод или Панамский канал».

Когда специалисты из ВВС начинали подыскивать место для развертывания «МХ», они, должно быть, решили, что сам бог послал им Большую котловину.

Генерал Хеккер зачастил с «увещательными визитами» в Неваду и Юту с апреля 1979 года, то есть еще за два месяца до того, как Картер дал свое окончательное «добро» на разработку проекта. Хеккер кажется открытым, свойским человеком, с пониманием относящимся к чувствительной струнке местных жителей, которые любят поворчать насчет «этих типов с восточного побережья, которые взяли моду нас поучать». Хотя сам он южанин, Хеккер подчеркивает свою слабость к западным штатам: «Стоит мне пересечь Миссисипи, как у меня улучшается настроение». Он произнес десятки речей о «растущей русской угрозе» и, соответственно, о необходимости ракет «МХ» и почти всякий раз ладил с аудиторией. «Здесь жители,— говорит Хеккер,— это религиозные, консервативные, глубоко патриотичные люди. Они действительно представляют сердцевину Америки». Один из боссов Лас-Вегаса заметил после выступления Хеккера перед местной торговой палатой: «А он не промах. Я бы, пожалуй, взял его к себе в фирму управляющим».

Но обаятельные манеры не спасают генерала от вопросов его слушателей насчет последствий проекта «МХ» для их земель, городов и самой жизни. Хозяева ранчо желают уточнить, сколько будет загублено пастбищ. Представители ВВС уверяют в ответ, что скот сможет пастись вплотную к стартовым установкам и что из общественного пользования будет изъято всего двадцать пять квадратных миль. Однако скотоводы склонны больше верить конгрессмену от Невады Джиму Сантини, который предупреждает, что жители только его штата потеряют добрую тысячу квадратных миль. В результате объединение скотоводов твердо выступает против проекта «МХ». Brent Эддридж из долины Норт Спринг говорит: «Отобранные пастбища — одно. Но мы боимся за судьбу остальных земель. Военные будут забирать много воды, а что останется для нашего скота?»

Специалисты по охране окружающей среды разделяют эти опасения. Никто не уверен, что имеющихся запасов воды хватит для переработки цемента в бетон и обеспечения питьевой водой десятков тысяч рабочих. Профессор геологии университета Невады Билл Фиеро считает: «Выкачивание воды на нужды военных будет производиться в объемах, превышающих естественное пополнение резервуаров. Фактически «МХ» будет высасывать наш самый ценный капитал — воду — из будущего Невады».

Индейцы, посещающие «лекции» генерала Хеккера, приходят не столько с вопросами, сколько с требованиями. Племя западных шошонов давно доказывает министерству внутренних дел свое право на владение 26 миллионами акров в Большой котловине. Оспариваемая ими территория захватывает и значительную часть предполагаемого района развертывания ракет «МХ». По словам представителя племени Гленна Холли, индейцам предложили уладить спор с помощью выкупа — по 1,05 доллара за акр, но они не идут на сделки. «Эта земля для нас священна,— говорит Холли.— Она нам слишком дорога, чтобы мы позволили губить ее

ракетами». Его соплеменник Гленн Вассон добавляет: «Это наш единственный родной уголок на земле, и мы будем отстаивать его до конца».

«Военные явились сюда, рассуждая о каких-то «пустующих землях»,— негодует Сильвия Бейкер, президент отделения бюро по землепользованию в Уайт Пайне.— Они говорят о «распыленном населении». Так это я и мои соседи. Наша земля не пустует, мы на ней живем. Она используется, и притом используется хорошо. Больше всего меня возмущает вот что. То самое правительство, те самые люди, которые якобы во имя охраны окружающей среды мешают нам производить усовершенствования на наших же ранчо, теперь готовы разодрать всю нашу землю и выкачать из нее всю воду... Нет, я буду драться против этих ракет любым способом!»

Самый грозный аргумент генерала Хеккера против такой убежденной позиции звучит так: «Ракеты «МХ» абсолютно необходимы для обеспечения национальной безопасности». И Юта и Невада уже внесли более чем обычный вклад в «обеспечение национальной безопасности». Обширные площади отобраны у них под военные предприятия. Те самые земли, которые сейчас готовятся для системы «МХ», использовались в пятидесятых годах и в начале шестидесятых как полигоны для атмосферных ядерных взрывов. И, видимо, поэтому процент больных лейкемией, или белокровием, среди жителей Большой котловины один из самых высоких в США.

Избиратели почти единодушно поддержали своего конгрессмена Джима Сантини, когда тот внес предложение не располагать на территории одного штата более двадцати пяти процентов намечаемой системы «МХ». Коллеги Сантини в конгрессе оказались менее рады его инициативе, похоронив ее 289 голосами против 84. «Брось, все нормально, Джим,— сказали они ему,— забирай эти «МХ» к себе в Неваду. Мы даже рады за тебя».

Генералу Хеккеру было бы легче пробивать в Неваде и Юте идею «обеспечения национальной безопасности с помощью новых ракет», если бы на этот счет царило согласие в Вашингтоне. Никто из людей, имеющих отношение к проекту, не защищает его с полной уверенностью, а те, кто против, говорят, что вся затея несутразна до бессмыслицы. «Система «МХ» — это такая технологическая экзотика,— говорит один сенатор,— что в ней могут по уши увязнуть очень крупные организации. И только когда всем со стороны уже все будет ясно, эти организации спохватятся: ба, да ведь это сумасшествие!»

Когда представители западных штатов, имеющие тесные связи со скотоводами и выступающие против строительства системы «МХ», увидят готовый законопроект, будет любопытно понаблюдать один из редких случаев их столкновения с военно-консервативными кругами.

Те жители Невады и Юты, которые возражают против развертывания «МХ», говорят, что они борются не просто за свои ранчо и воду. Боб Майкл, например: «Я жил здесь до того, как сюда зачастили ракетные деятели, и останусь, когда они уйдут. Я люблю смотреть, как заходит и восходит солнце, не мыслю ночей без воя койотов. Но что же теперь будет с нашими местами? Куда ни глянешь — ракеты и ракеты!»

«Наш край особый,— вторит ему Болл Дэвидсон, скотовод из Игон Рейндж, Невада.— Я счастлив, что живу здесь. Даже люди, которые видят здешнюю красоту только из окна автомобиля, чувствуют ее неповторимость. Сюда еще может приехать тот, кто устал от городской толчеи. А когда в Вашингтоне примут решение разместить здесь систему «МХ», мы безвозвратно потеряем то, что не умеем ценить сейчас. Превратить такой край в ядерный погреб... Это не укладывается в голове».

Перевел с английского П. ИЛЬИН

«...ТИХОЕ ОТЧАЯНИЕ — АНГЛИЙСКАЯ СУДЬБА»

Энгус МАККИННОН,
английский журналист

В который уже раз правительство Англии принимает решение исключительной важности для судьбы страны, не посоветовавшись с английским народом. Летом прошлого года министр обороны Френсис Пим объявил, что Англия заменит свою устаревающую ядерную ракетную систему «поларис» новой системой «трайдент», тоже американского производства. Это решение, принятое с необычайной поспешностью и под завесой строгой секретности, обойдется нам как минимум в пять миллиардов фунтов стерлингов. И это в то время, когда страна переживает экономический кризис...

Момент для обнародования сей новости был выбран поистине мастерски. Решение закупить ракеты «Трайдент-1» было обговорено в узком внутриправительственном кружке, куда входят сама премьер-министр, министры обороны, иностранных дел, финансов и внутренних дел. Министров, которые могли засомневаться, а то и возразить, держали в неведении. Как, впрочем, и специальный комитет палаты общин, который призван обсуждать именно подобные дела.

«Когда же нам объявить о покупке?» — думали, видимо, Тэтчер и ее союзники. И придумали: под занавес летней сессии палаты общин, чтобы не дать развернуться парламентской — не говоря уже об общественной — дискуссии! Откладывать дольше было опасно: словоохотливым американцам не терпелось выболтать подробности сделки. Значит, лучше всего — в день восьмидесятилетия королевы-матери: сообщение о «трайденте» наверняка потонет в сентиментально-ностальгических описаниях монарших торжеств. Так и сделали. 15 июля Пим встал и торжественно поведал парламенту о роскошной покупке. И лишь жалкая горстка депутатов открыто возмутилась новостью.

Самоуправство тори никого не удивило. Они и предыдущее решение — разместить американские крылатые ракеты (под американским контролем) в графствах Беркшир и Кембриджшир — оформили примерно таким же путем, бесцеремонно протаранив нашу прославленную британскую демократическую процедуру.

Многие, конечно, скажут, что такие вопросы слишком важны, чтобы ими занималась общественность, слишком сложны, чтобы их уразумели вы, я или вообще кто угодно ниже уровня министра, генерала или маршала ВВС, что обсуждать их на публике — значит «подвергать серьезной угрозе нашу национальную безопасность». Ерунда. Решение насчет «трайдента» касается каждого из нас столь вплотную, что его никак нельзя было проворачивать сквозь парламентскую мясорубку, словно заурядное предложение, выгодное той или иной партии. И грош цена уверениям нашего политического истэблшмента, будто он руководствовался советами лучших специалистов, так как советы ему подсовывают известные подхалимы — гражданские и военные «эксперты», дрожащие за свои кресла.

Только фантастически наивный человек вообразит, что правительство тори может предпочесть расходы на здравоохранение и социальные нужды расходам на военные цели, неважно, что Англия вползает в полосу жестокого экономического спада и безудержно растущей безработицы. Порой кажется, что в нашей стране действует незыблемое предписание для каждого, кто усаживается на переднюю скамью в палате общин: подвергнуться

такой операции на мозге, лоботомии, которая начисто освобождает их сознание от последних крупниц этики и морали.

Информация на тему «оборона королевства» остается у нас удручающе скверной. Так называемая «серьезная» печать Флит-стрита трусливо повинуетя любому окрику правительства. Только «Гардиан», верная принципу «и нашим и вашим», осмелилась на более-менее добросовестный анализ сделки о «трайдентах», да и то под рубрикой «На повестке дня». Автор тоже был выбран не «свой», а приглашенный — историк Э. П. Томпсон. А подобные выступления обычно подвергаются разносу в колонке Питера Дженкинса, собственного политического комментатора редакции, набившего руку в искусстве говорить бесконечно много, не говоря по существу ничего.

Что касается военных обозревателей «серьезной» прессы, то и они производят впечатление людей, подвергнувшихся лоботомии. Их писанина — это оскорбление тому немногому, что еще остается от профессионального достоинства английской журналистики. Довольствуясь жвачкой из заявлений для печати, поставляемых министерством обороны, словно это непререкаемые заповеди священного писания, они ведут себя так же, как в свое время большинство корреспондентов, освещавших ход войны в Южном Вьетнаме. Тогда горе-репортеры, не отваживаясь сунуться в пекло за достоверными сведениями, рылись, словно жалкие гиены, в отбросах, которые им скармливали на брифингах (то есть совещаниях для прессы.— Примеч. пер.) американское командование, чья версия о военных событиях, естественно, была вопиюще пристрастной.

Консервативное правительство Англии — один из самых усердных партнеров Вашингтона по НАТО. Вместо того чтобы сосредоточить внимание на проблемах — а точнее, болезнях — своей экономики: неуклонно растущей безработице, инфляции, дефицитном платежном балансе и т. д., консерваторы увеличивают военные расходы за счет сокращения ассигнований на социальные нужды, ускоренно обновляют собственные английские «средства устрашения», помогают Вашингтону навязывать западноевропейским членам НАТО новое американское ядерное оружие. Выступая в роли «толкачей» пентагоновской военщины, они пытаются воздействовать на другие страны и «личным примером», высказав готовность принять на территории Англии 160 американских крылатых ракет. В этих условиях простые англичане задумываются над судьбами своей страны, над самоубийственной и разорительной политикой наращивания вооружений и над тем, каким может быть разумный выход из хронических бед, одолеваящих английскую экономику.

Посмотрим, к примеру, как освещалась в нашей печати недавняя выставка английской военной техники в Олдершоте. В репортажах взахлеб расписывались «прелести» нового танка «вэлиант», выпущенного фирмой «Виккерс». Но в них не нашлось места для разговора о моральной стороне этого милитаристского шоу, ни одна из «серьезных» газет не задалась вопросом о допустимости продажи английских вооружений всевозможным, крайне отвратительным режимам.

А вот такими словами начинается статья военного обозревателя «Гардиан» Дэвида Фэрхолла, помещенная в этой газете на первой странице: «Британия решила купить американские ракеты «трайдент». Простите меня, но Британия не предпринимала ничего подобного. Решение было принято за Британию без ее ведома. Короче говоря, даже если нам удастся переваривать продукцию тех газетчиков, которыми министерство обороны манипулирует, как роботами, то все равно нас пичкают не более чем иллюзией информации. А если еще точнее — дезинформацией.

Попробовав же обратиться к более специальным изданиям в попытке отсеять четкие факты от смутных фактоидов, мы увязаем в терминологии: «направление главного удара», «возможности обнаружения и поимки целей», «факторы уязвимости непрерывного действия», «способность к прорыву обороны» и проч. Продираясь сквозь эту фразеологию, мы не должны забывать, что речь-то идет об оружии, о механизмах и приспособлениях, единственное назначение которых — калечить и убивать все более изощренными и отвратительными способами. (Вы слышаны, не так ли, о некоем «оружии повышенной радиации», а проще говоря, о нейтронной

бомбе, этой восхитительной «капиталистической» бомбе, которая уничтожит людей, а танки и другое имущество оставит целехонькими...)

В основе преднамеренно туманных и изворотливых рассуждений, которыми полна наша пресса, лежит молчаливое признание абсолютно недоказуемого тезиса, будто единственная возможность сохранить этот хрупкий мир заключается в том, чтобы производить все больше вооружений и полагаться на возрастающие «силы ядерного сдерживания». Ядерное разоружение, если и упоминается, то только чтобы отмахнуться от него как от бредовой и, как знать, не подрывной ли, выдумки идеалистов.

В конечном итоге наш главный враг — неведение. Я не собираюсь вдаваться в описание головоломных подробностей и несуразностей гонки вооружений, коснусь их лишь, чтобы понять подоплеку сделки о «трайдентах».

Не так давно натовские мыслители изобрели стратегию, которую им нравится называть «ограниченным ядерным ответом». Она означает, что в случае военного конфликта НАТО без колебаний применит против стран Варшавского Договора тактическое ядерное оружие, то есть американские ракеты «лэнс», а если придется туго, то и крылатые ракеты. Подразумевается, что любая такая конфронтация (и попытка НАТО превратить ее в ядерную) останется «под контролем», то есть будет происходить в аккуратных и ограниченных масштабах, а именно — ограниченных Европой. Можно ли всерьез говорить о каких-то шансах «локальной» ядерной войны? Современная война не отличается рыцарским характером...

Если верить Пиму, Англия теперь сможет попытаться, подобно американцам, диктовать русским свои условия с позиции силы. Но, должно быть, наша ядерная мощь не производит на Советский Союз особого впечатления. С одной стороны, Пим обходит молчанием тот неудобный факт, что в ускорении гонки вооружений неизменно повинны американцы, а с другой — явно забывает, что русские никогда не приходили и не придут на поклон под впечатлением от чьей-либо превосходящей ядерной мощи.

Наш истэблишмент старается замолчать тот факт, что само наличие у Англии собственных ядерных сил и присутствие на ее территории огромного ядерного арсенала США делают нашу страну важной военной мишенью.

Среди многих других тревожных аспектов сделки о «трайдентах» главный состоит в том, что она еще крепче привяжет Англию к американской стратегии. Мелкотравчатый национализм — препротивная штука, я не хочу, чтобы меня в нем обвинили, но я также не желаю, чтобы мои шансы остаться в живых зависели от воли хозяев Белого дома.

Так почему же, в конце концов, почему мы все-таки покупаем эти «трайденты»?!

Бог его знает... Эта сделка не выдерживает критики ни в плане морали и гуманности (зачем тратиться на новые ядерные ракеты, когда и те, что уже есть, некуда девать, и что это за правительство, которое жертвует больницами и школами ради военных целей?), ни в плане экономики (Англия явно не может позволить

себе это расточительство, как бы горячо ни уверял нас в обратном Пим), ни даже в плане обороны и политики («трайденты» не сделают Англию сильнее ни в том, ни в другом).

Быть может, это уже банально — твердить в тысячный раз о возможных выгодах, которые принес бы Англии ее отказ от всех ядерных вооружений. Но, право же, только законченный циник может утверждать, что воздействие такого шага на международную обстановку будет ничтожным.

До чего же печально сознавать, что судьбы человечества зависят сейчас от таких деятелей, как тот генерал американских ВВС, который на вопрос о маневренности крылатой ракеты радостно воскликнул: «Вы только представьте, она может прочертить в небе «кока-кола» прежде, чем поразит цель!»

А Британия тем временем ковыляет дальше, вверив свою судьбу мафии недалеких лжецов и фигляров. И мне все чаще вспоминается строчка Роджера Уотерса из репертуара «Пинк Флойд»: «...тихое отчаянье — английская судьба».

Так что же нам все-таки делать? Мы можем постараться быть лучше информированными. Мы можем убедиться, что наши средства массовой информации — это средства распространения глупостей и неправды. Мы можем решительно воспользоваться тем, что еще осталось от наших демократических прав. Мы можем протестовать, чтобы уцелеть.

Перевел с английского В. ЧЕРНЯК

РАБОЧИЕ ВЫДВИГАЮТ АЛЬТЕРНАТИВУ

I

Такого столпотворения Лондон не видел лет двадцать. Серое осеннее утро едва занималось над погруженной в воскресный сон столицей, а Гайд-парк уже напоминал стадион Уэмбли перед началом футбольного матча. Один за другим подъезжали автобусы, гудела, смеялась, притопывала от холода толпа. Да, этот день, 26 октября 1980 года, надолго запомнится англичанам. И тем, кто сам маршировал от Гайд-парка до Трафальгарской площади, а их, по разным оценкам, было от семидесяти до ста тысяч. И тем, кто, разбуженный музыкой и гомоном, наблюдал за этим шествием из окон домов на улице Пиккадилли. И миллионам телезрителей.

«Протест во имя жизни» — таков был главный лозунг демонстрации. Надписи на плакатах требовали, призывали: «Долой ядерное оружие!», «Нет — крылатым ракетам!», «Вывести Англию из НАТО!», «Тори — в отставку!» Люди — а кого здесь только не было: шахтеры и студенты, домохозяйки и седовласые парламентарии, и стар и млад — хором пели всем знакомую антивоенную песню, размахивая в такт знаменами: «We shall overcome...»

«Мы преодолеем», — несется песня над Трафальгарской площадью, над морем голов и знамен. На плакатах надписи: Лейбористская партия, Коммунистическая партия, Национальный профсоюз транспортных и неквалифицированных рабочих, Национальный союз студентов, Коммунистический союз молодежи, Молодые либералы... Мелькают названия антивоенных организаций: «Движение за ядерное разоружение», «Школы против бомбы», «Друзья земли», «Квакеры на службе мира», «Европейское ядерное разоружение»... На площади все теснее, люди идут и идут, толпа запрудила близлежащие улицы. Оркестр грянул что-то веселое, молодые голоса подхватывают: «My daddy got his money from guided missiles...»

«Мой папаша сделал деньги на крылатых на ракетах». «О, да это что-то новенькое», — смеются те, кто не знает слов.

У подножия знаменитой колонны Нельсона сооружена трибуна. Над ней, прислоненное к памятнику, висит многометровое панно. Изображение беспощадно жестоко: ребенок, застигнутый ядерным взрывом. Картина видна из любой точки громадной площади. Она как наглядная иллюстрация к речи каждого оратора. Каждый оратор говорил о будущем. В словах каждого звучала тревога.

На трибуну поднимается Генеральный секретарь Коммунистической партии Великобритании Гордон Макленнан. «Коммунисты, — говорит он, — хотят, чтобы колоссальные средства, расходуемые сейчас на вооружения, использовались для улучшения жизни миллионов англичан. Инициаторы «холодной войны» оправдывают гонку вооружений тем, будто Советский Союз готовится к ядерному нападению. Это клевета. Ни один народ не перенес столько страданий от войны, сколько советский».

Чуть подрагивает гигантское надувное сооружение из пластика, изображающее ядерный взрыв. Это ребячьи устроила кучу малу на мягких подушках его основания. Мощные репродукторы разносят над площадью слова видного лейбориста, члена парламента Антони Веджвуда Бенна. «Правительство, — говорит Бенн, — ведет одну из старейших игр политических банкротов, которые всегда изобретают «внешнего врага» с целью отвлечь внимание от провалов собственной политики внутри страны и попытаться оклеветать критиков обвинениями в государственной измене».

Группа людей размахивает щитами с надписью: «Ядерные базы — ядерным мишеням», и макетом скелета, прижимающего к груди крылатую ракету. На ракете слова: «Для Мэгги — с любовью». Они приехали из восточных районов Англии, где уже ведется подготовка к сооружению укрытий для крылатых ракет.

Спустя четыре часа после того, как началось шествие, последние колонны еще трогались в путь из Гайд-парка.

Стоявшие на Трафальгарской площади знали, что в эти же часы в Западной Германии, в Кайзерслаутерне, происходила международная манифестация, организованная сторонниками мира ФРГ, Франции, Бельгии и Голландии. По инициативе Организации Объединенных Наций и Всемирного Совета Мира конец октября стал Международной неделей действий за разоружение.

«Мы — часть огромного общеевропейского движения, растущего день ото дня», — говорит очередной оратор, убранный сединами профессор.

От имени рабочих-транспортников слово берет Рон Тодд. «Мы считаем, — заявляет он, — сумасшествием тратить деньги на оружие, тогда как английская промышленность чахнет и два с четвертью миллиона людей не имеют работы. Сколько так может продолжаться?»

2

Вопрос этот волнует миллионы англичан. У заправил военного бизнеса один излюбленный ответ: военные заводы дают работу, и если их закрыть, то армия безработных только возрастет.

Действительно, в военно-промышленные проекты вовлекаются обычно большие средства и людские ресурсы. Но значит ли это, что отказ от производства орудий смерти пагубно отразится на экономике стран, вовлеченных в гонку вооружений? Известный советский ученый профессор В. Емельянов писал по этому поводу: «Надо прямо сказать, что с подобной аргументацией можно легко прийти к абсурдному выводу, что для успеха фармацевтической промышленности необходимо содействовать развитию эпидемических заболеваний, поскольку это приведет к значительному увеличению спроса на медикаменты, оживлению в этой отрасли производства».

На самом деле перевод военной промышленности на мирные рельсы не представляет собой ничего страшного или сверхтрудного. Это уже доказано опытом многих стран, в частности Советского Союза, сразу после второй мировой войны. Военно-авиационные заводы безболезненно переходили к производству гражданских самолетов, танковые — к производству тракторов и вагонов, производящие мины и снаряды — к выпуску станков. Ведь оборудование военных заводов в большей своей части однотипно с аналогичным оснащением гражданских предприятий.

Разумеется, перевод всей оборонной промышленности на мирные рельсы не может быть произведен в одночасье, но он реален и необходим. Собственно, на этой истине и построен весь комплекс предложений по разоружению, выдвигаемых Советским Союзом. Реальность использования военных предприятий в мирных целях доказана многолетней практикой советского хозяйствования. Как отметил, выступая на октябрьском (1980 г.) Пленуме ЦК КПСС, товарищ Л. И. Брежнев, производство многих товаров культурно-бытового назначения, в том числе телевизоров, холодильников, стиральных машин, существенно выросло благодаря усилиям руководителей ряда отраслей тяжелой и оборонной промышленности. «Мы уверены, — добавил он, — что руководители этих отраслей и впредь будут рассматривать производство товаров широкого потребления как важное государственное и партийное дело». Кроме того, Пленум нацелил ученых и конструкторов, работающих в оборонной промышленности, на оказание помощи тем или иным видам гражданского машиностроения.

Так ставится и практически решается этот вопрос в стране, искренне стремящейся к снижению военных расходов и действительно снижающей их из года в год, чему подтверждением и оборонный бюджет, принятый на сессии Верховного Совета СССР.

Теперь вернемся к вопросу, прозвучавшему с трибуны митинга на Трафальгарской площади. Рабочим Англии небезразлично, что производить — орудия смерти или товары мирного назначения. Еще несколько лет назад рабочие авиастроительной корпорации «Лукас» составили

и предложили хозяевам детальный план перевода семнадцати военных заводов на выпуск мирной продукции.

Вот что рассказывает представитель Объединенного комитета профсоюзных организаторов «Лукаса» Фил Асквит: «Мы раздали рабочим военных заводов «Лукаса» анкету с просьбой высказать свои соображения о том, что они могли бы изготовить вместо вооружений, чтобы таким образом перевести заводы на выпуск мирной продукции».

Отклик рабочей Англии превзошел все ожидания. Это был всплеск настоящего творчества и искренней заботы о будущем отечественной промышленности.

Рабочие фирмы «Виккерс», выпускающей танки и другое военное оборудование, выступили с планом строительства электростанций, использующих энергию морских приливов и отливов, батискафов и океанских барж. Рабочие завода самолетостроительной компании «Бритиш эйркрафт» в Престоне разработали технологию перехода на выпуск станков, сельскохозяйственных машин и медицинского оборудования.

Сами же инициаторы кампании, профсоюзные активисты «Лукаса», несколько месяцев трудились над своим «альтернативным планом», обрабатывая анкеты, поступившие от рабочих. В итоге получилось шесть томов технической документации, по двести страниц в каждом, с описанием 150 оригинальных конструкций и приборов мирного назначения, производство которых можно наладить на заводах «Лукаса». В сопроводительном письме было сказано: «Рабочие имеют право на труд в социально полезном производстве». Положили тома перед администрацией. И тут же получили ответ: «Администрация не потерпит, чтобы рабочий персонал влиял на политику компании».

Посмотрим, что так разгневало хозяев. В план конверсии (то есть переоборудования) была включена, например, электроустановка для двигателей внутреннего сгорания, уменьшающая потребление горючего на 50 процентов и содержание ядовитых соединений в выхлопных газах на 80 процентов. Рабочие брались также освоить выпуск уникального транспортного средства, способного передвигаться как по рельсам, так и по обычной дороге. (Несколько развивающихся стран уже заявили, что с удовольствием закупили бы такой «автолокомотив».) В числе других товаров числились управляемые на расстоянии манипуляторы для выполнения особо опасных работ, аппаратура жизнеобеспечения для карет «Скорой помощи», коляски и другие приспособления для детей с повреждениями позвоночника, аппарат «искусственная почка», устройство, предотвращающее свертывание крови во время операций. Интересной новинкой был бы экономичный обогреватель для дома, работающий на натуральном газе. Подсчитано, что рынок сбыта для этого ходового товара составил бы до 1985 года два миллиарда долларов. Многие видят в этом обогревателе решение проблемы отопления домов в Англии.

«Наш план, — говорит Фил Асквит, — показывает, как можно сократить военные расходы и торговлю вооружениями, не останавливая работу на существующих военных заводах. Мы видим в этом свой вклад в решение проблемы разоружения».

А как сейчас обстоят дела с инициативой рабочих «Лукаса»? С год назад промелькнуло сообщение о том, что они добились-таки согласия администрации обсудить их «альтернативный план». С тех пор на эту тему почти ничего не слышно. По-видимому, переговоры идут туго.

Накануне описанной выше демонстрации на Трафальгарской площади коммунисты Англии опубликовали требования, которые они считают важнейшими для движения сторонников мира. В их числе такое: «Существенное сокращение военного бюджета и перевод военной промышленности на социально полезное производство».

В те же дни профсоюзные организаторы «Лукаса», «Виккерса», «Энфилда» и нескольких других военных фирм выпустили брошюру, отстаивающую идею «мирной конверсии». Так что идея эта, как видим, обретает все новых сторонников.

«ПОКУПАТЕЛИ С ВЫТАРАЩЕННЫМИ ГЛАЗАМИ»

«Они только что не пинали шины «джипов» и не пробо-вали на ощупь прочность танковой брони, а в остальном китайские офицеры вели себя в точности, как покупатели, осматривающие с вытаращенными глазами выставку новых моделей автомобилей». Так описывал американский журнал «Тайм» посещение выставки военного оборудования в Англии делегацией из Пекина. Это было в 1979 году.

В то же самое время другая группа китайских эмиссаров совершала поездку по военным объектам Швеции, где ее удивили подводной лодкой «сааб-скания» и сверхзвуковым истребителем «вигген». Из Скандинавии китайцы направились напрямик к итальянским военнопромышленникам... Они исколесили всю Западную Европу, наметив сделать военные закупки, по сведениям буржуазной печати, на десять миллиардов долларов.

Китайские скупщики оружия и военной техники стали постоянными желанными клиентами соответствующих фирм Западной Европы и Северной Америки. На снимке, который вы здесь видите, очередная делегация из Пекина приценивается к новейшим видам вооружений на специальной выставке-ярмарке в Англии в 1980 году, которую, кстати, посетили, как писали местные газеты, представители самых кровавых диктаторских режимов — от пивочетовского до южнокорейского.

В свою очередь, «толкачи» военного бизнеса зачастили в Пекин. В репортажах западных корреспондентов из китайской столицы звучат умильные нотки. «На протяжении почти месяца,— писал в сентябре минувшего года американский еженедельник «Ньюсуик»,— вестибюль отеля «Пекин» очень напоминал американский аванпост времен колонизации. Здесь можно было увидеть, как техасские нефтепромышленники, потягивая коктейли, с энтузиазмом обсуждают контракты, которые они надеются заключить. Неподалеку в ожидании дня, когда будет парафировано первое американо-китайское соглашение о воздушном сообщении, прогуливаются утомленные американские чиновники. А дополнительный блеск этой картине придают военные из Пентагона, когда, сияя галунами и медалями, они спешат на переговоры о продаже китайцам американской военной техники».

Меркантильные соображения в военных сделках с Пекином — стимул, конечно, немаловажный. Но тут действует магнит помощнее: особую привлекательность для военно-политической верхушки Запада имеют не столько материальные, сколько стратегические выгоды от альянса с нынешним руководством Китая. Ведь всем своим поведением на международной арене — оголтелым антисоветизмом, открытым смыканием с наиболее реакционными силами, шовинистической спесью по отношению к народам, борющимся против империализма, особенно к тем, кто граничит с Китаем,— пекинские лидеры угодливо предлагают себя в партнеры по империалистическому разбою. Масштабы предательства ими дела международного социализма и интересов самого китайского народа дошли до того, что в феврале — марте 1979 года они совершили открытую военную агрессию против Вьетнама — страны, которая еще залечивала раны от многолетней интервенции со стороны США.

И посыпались «сребреники» в награду за предательство: контракты на поставки современного оружия, на строительство военных заводов в Китае, наконец, на продажу американского оборудования из так называемой «серой зоны», то есть техники, которая необходима современной армии: грузовиков, транспортных самолетов и вертолетов, радиоэлектронных приборов. Китайско-американские связи, как писала западная печать, перешли в плоскость военного сотрудничества.

Американский журнал «Ньюсуик» от 9 июня 1980 года: «В парадном зале национальной портретной галереи в

Вашингтоне министр обороны США Гарольд Браун поднялся со своего места. Его гость, высшее официальное лицо Китая в области обороны, сохраняя бесстрастное выражение, наблюдал, как Браун произносил тост, держа в руке бокал шампанского. «У нас есть такое выражение: «Рим строился не в один день»,— сказал Браун.— В Китае говорят, что «человек не растолстеет после одного обеда». Мы не имеем в виду, что хотим построить Рим или растолстеть, но разрешите мне сказать, что процесс сближения между нами в области обороны... уже начался». На протяжении всего своего пребывания в США министр обороны Китая подчеркнул, что у Китая и США общие глобальные интересы. Покидая Вашингтон, он увозил с собой предложения американцев продать Китаю разнообразное оборудование, связанное с обороной».

Из истории известно, что всякий агрессор начинает с того, что попирает интересы собственного народа. Пекинское руководство не исключение. Чем обернулась для Китая агрессия против героического Вьетнама, предпринятая с целью «наказать» его за солидарность с кампучийцами, свергшими полпотовских выкорышей Пекина? Бесславленным поражением, гибелью сотен и тысяч одуроченных солдат, дополнительным бременем для экономики, и без того расшатанной экспериментами покойного «великого кормчего». Что это, как не удар в спину самому китайскому народу?

Мао развращал молодое поколение китайцев «культурной революцией», лстивыми посулами власти и вседозволенности, неограниченных возможностей для глумления над партийными кадрами. Его наследники натравливают китайскую молодежь на соседние народы, не брезгуя никакими средствами. Пропагандистское обеспечение войны против Вьетнама, например, представляло собой не что иное, как настоящую психологическую войну против собственного населения. Из молодых китайцев, и прежде всего из тех, кто был призван под ружье, выколачивали всякую способность к самостоятельному мышлению, заставляя их зазубривать нелепые до абсурда вымыслы о политике и намерениях Вьетнама, нашей страны, других социалистических стран. С образчиками «работы» пекинской пропаганды вы познакомитесь, прочитав публикуемое ниже ин-

тервью, взятое у китайского солдата, попавшего в плен во Вьетнаме.

Для грязных дел, которыми Пекин продолжает заниматься под одобрительные аплодисменты из лагеря, казалось бы, классового противника, — непрекращающихся военных вылазок против Вьетнама, враждебных действий против других стран, будь то Лаос или Кампучия, Бирма или Индия, или Афганистан, — нужны такие вот политически ограниченные, слепо послушные солдаты. И поэтому обработка китайской молодежи в духе ненависти к СССР и социалистическому содружеству, в духе великодержавного высокомерия и одновременно казарменного повиновения продолжается. Насколько эта обработка эффективна? Как видно из листовки, попавшей к тому же военнопленному, она действует далеко не на всех.

ПЛЕННЫЙ № 618

Ульрих ШАЙБНЕР,
западногерманский журналист

Можете поговорить с пленными. Спрашивайте их о чем хотите, фотографируйте, осматривайте что угодно. В вашем распоряжении столько времени, сколько вам понадобится, — говорит вьетнамский офицер.

Оглядываю пленный. В основном молодежь. Вынимаю записную книжку и подхожу к пленному № 618. Его зовут Чинь По, 25 лет, народность хань, член Коммунистической партии Китая, служил в 50-м пехотном корпусе.

Вопрос. Я только что побывал в Лангшоне. Ваши войска жестоко разрушили этот город. Зачем?

Ответ. Я в Лангшоне не был. Мой корпус действовал в другом месте.

Вопрос. Какая разница? Другие места китайские войска тоже опустошили. С какой целью?

Ответ. Пятого февраля командир нашей роты объявил нам, что вьетнамские войска превосходящими силами перешли границу и напали на нашу социалистическую родину.

Вопрос. И вы могли этому поверить? Во Вьетнаме примерно пятьдесят миллионов человек, в Китае больше девяносто миллионов.

Ответ. Я этого не знал. Нам все время говорили, что вьетнамская армия вдвое больше нашей. Как я мог не доверять нашим газетам?

Вопрос. Как происходило нападение на Вьетнам?

Ответ. Я родился и вырос на севере Китая. Многие из нас, большинство, думаю, тоже не жили в приграничных районах. Четвертого марта наша часть дислоцировалась у границы. Но мы этого не знали. Только в плену мне стало известно, что, продвигаясь вперед, мы уже пятого марта углубились на вьетнамскую территорию. Мы действительно не знали этого. Думаю, многим нашим солдатам не хотелось нападать на Вьетнам.

Вопрос. Но вы все в этом участвовали. Зверски убивали женщин и детей.

Ответ. Таков был приказ. Но лично я этим не занимался. Кроме того, для подобных заданий у нас есть специальные женские батальоны и кавалерия.

Вопрос. Как обосновывалось нападение на Вьетнам?

Ответ. Я уже сказал, что Вьетнам хотел нас завоевать. Кроме того, мы должны были освободить Вьетнам от социал-империализма.

Вопрос. А как это понять?

Ответ. Нас учили, что до 1977 года Вьетнам был социалистической страной, а потом предал нас и переметнулся в лагерь русского социал-империализма. Мы думали, что вьетнамский народ ждет своего освобождения и поэтому война не затянется надолго. Мне сказали, что все будет кончено не позднее, чем через три дня. Кстати, нам и продовольствия выдали всего на трое суток. Естественно, я поверил, что через несколько дней буду в Ханое.

Вопрос. Выходит, Советский Союз — социал-империалистическая держава и Вьетнам — ваш враг?

Ответ. Так пишут газеты, и так нас учат. Значит, так и должно быть.

Вопрос. А какие государства ваши друзья?

Ответ. Их много. Но самые главные, с 1978 года, Америка и Германия. Они наши новые друзья. Поэтому мы теперь сильнее, чем прежде, как говорят наши офицеры.

Вопрос. О какой Германии вы говорите? О каком из немецких государств?

Ответ. Не понимаю. А разве их несколько? Я знаю только одну Германию... Ах да, вспомнил. Германия еще не освобождена. Моя партия выступает за освобождение Германии от социал-империализма. Кажется, так. Но в точности я не знаю. Читал как-то в газете насчет студенческого обмена с Германией.

Вопрос. Где вы учились до призыва в армию?

Ответ. В школе при свинцовом руднике. Правда, не очень долго. А раньше в начальной школе. Но я хотел дальше учиться.

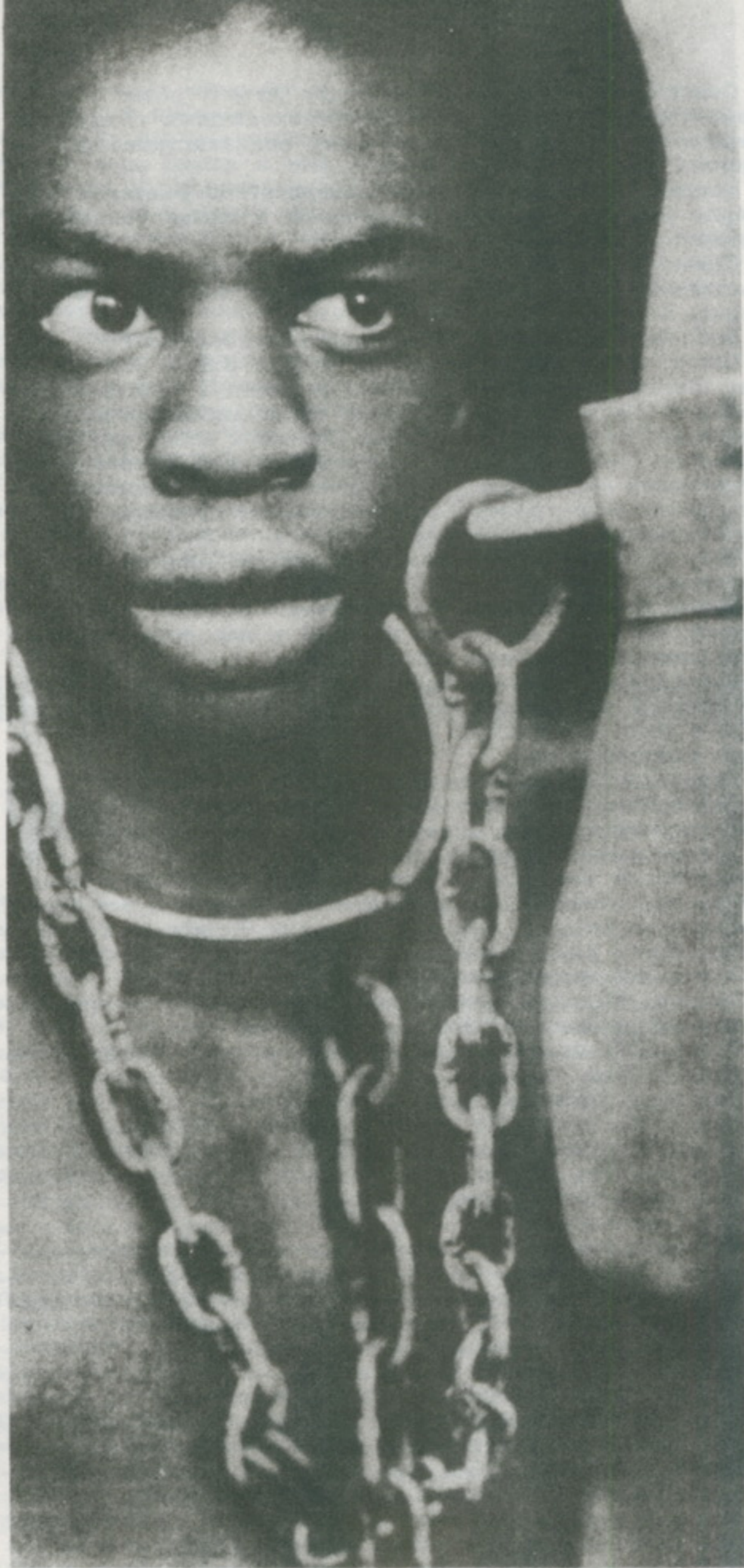
Вопрос. Каков срок учебы в школе при руднике?

Ответ. Всего два года. Поэтому я и пошел в армию. Мне обещали, что я смогу научиться правильно читать и писать. К тому же в армии лучше кормят. Нам положено мясо два раза в день. И денег я в армии получал больше.

Вопрос. Какой опыт вы извлекли из плена?

Ответ. Меня взяли в плен четырнадцатого марта. Здесь я много узнал о разрушениях, которые причинила наша армия Вьетнаму. Раньше я об этом не задумывался. Теперь думаю. Мне хочется говорить с моим часовым. Но я не знаю вьетнамского, а они китайского. Только один из них китаец по происхождению. От него я узнал много нового. Он же дал мне вот эту листовку. Она выпущена в Китае нелегальной организацией молодых рабочих, которая называется «Союз молодых рабочих за демократию и социальную безопасность». Об этом я тоже не знал.

Мне перевели эту листовку. В ней подчеркивается, что революция 1949 года была победой рабочего класса Китая. «Буржуазные элементы предадут нашу страну в руки реакции», — пишут ее авторы. В листовке, в частности, говорится: «После разгрома «банды четырех» мы, рабочие, надеялись на перемены. Но наши ожидания оказались напрасными. Китай сегодня — это Китай ускоряющейся капиталистической реставрации. В нашей стране уничтожается социалистический базис». Члены подпольной организации молодых рабочих призывают китайскую молодежь «образумиться и вернуться к революционным традициям китайского народа». «Мы призываем, — говорится в листовке, — к дружбе с рабочим классом Вьетнама и всего мира».

Еще не так давно всю музыку уверенно делили на три области: «серьезную» (она же «классическая»), «народную» (фольклор) и «легкую». Последняя не менее четко подразделялась на эстрадную и «прикладную» — танцевальную музыку. Вот, пожалуй, и все.

Сегодня ситуация гораздо сложнее и запутаннее. Внутри легкой музыки непрерывно растет количество новых жанров, видов и разновидностей с куда менее четкими границами: рок-н-ролл, диско, фолк, джаз, скей, блюз, соул, сальса, евродиско, панк, поп, джаз-рок, блю-грасс, рэггей, софт-соул, кантри-рок, ритм-энд-блюз, рок-диско, фьюжн, джаз-рок, диско-джаз (список еще не закончен)...

Откуда взялась столь широкая гамма названий? Какие художественные явления стоят за ними, чем они отличаются друг от друга, в чем секрет их успеха или провала, какое место занимают они в музыкальной культуре наших дней?

Тем, кто ищет не формально-поверхностных, а по-настоящему содержательных ответов, волей-неволей приходится подходить к таким вопросам исторически. Иными словами, пытаться проследить истоки, пути развития, взаимодействия и трансформации множества на первый взгляд никак не связанных между собой явлений, образующих в совокупности то, что мы зовем поп-музыкой. Задача нелегкая, если принять во внимание огромное количество и пестроту всех относящихся сюда фактов. Однако целое, как известно, иногда удивительно ярко отражается и в малой своей части. В нашем случае такой показательной частью могут служить джаз и его непосредственные предшественники: рэгтайм и блюз.

Поскольку они возникли среди афроамериканцев — потомков рабов, некогда привезенных из Африки, эти жанры часто объединяют под общим именем «черной музыки». Однако и джаз, и блюз, и рэгтайм давно уже переросли свои первоначальные этнические рамки и географические границы, заслужив признание и найдя творческих интерпретаторов среди людей всех рас на всех континентах. Наряду с другими причинами, о которых мы еще будем говорить, столь быстрому превращению «местных» видов музыки в поистине универсальные способствовала прежде

ЛИЧИНА И ЛИЦО

(ЧЕРНО-БЕЛАЯ ГАММА)

Л. ПЕРЕВЕРЗЕВ

Этой статьей мы начинаем публикацию серии материалов об истоках современной популярной музыки, о сложном процессе зарождения, становления и развития наиболее существенных ее направлений. Редакция предполагает, что это будет разговор о мире музыки и о его непосредственном жизненном окружении, о связи музыки с жизнью общества и о жизни музыки в общем потоке культуры.

все его изначально двойственная, смешанная природа. Их «цвет» на самом деле нельзя определить каким-либо одним словом. «Черное» и «белое» в них и по сей день продолжают оставаться как бы двумя полюсами, существующими сопряженно, но отдельно; одновременно притягивая и отталкивая друг друга; стремясь к слиянию и подчас как будто достигая его, но тут же обнаруживая новый разрыв и новое противостояние...

Под черным и белым мы подразумеваем, конечно, не какие-то биологические признаки и не якобы исконный антагонизм европейского и африканского духа. Мы пользуемся этими словами как условными терминами для краткого обозначения различных традиций культуры и различного общественно-исторического опыта, различных бытовых укладов, обычаев и верований, различных представлений о мире и призвании человека.

Подобные различия возникли не вдруг и не сами собой: они складывались веками и тысячелетиями, закрепляясь в мифологии, религии, философии, художественных формах, и с течением времени стали восприниматься многими как «естественные», «прирожденные» и «вечные», будто бы образующие неодолимую преграду для сближения и взаимопонимания народов и стран. Нередко сюда присоединялись политические мотивы, и эти различия использовались для обоснования концепций о «фатальной неполноценности» людей той или иной расы, а иногда и «низших», то есть эксплуатируемых классов внутри одной и той же нации. Давно доказано, что такие взгляды и доводы не выдерживают научной критики. Их опровергает и художественный синтез «черного» и «белого», «высшего» и «низшего», «деревенского» и «городского», «патрицианского» и «плебейского», достигнутый в лучших образцах рэгтайма, блюза и джаза. История словно задалась целью поставить на них некий культурно-генетический эксперимент: скрестить две далекие породы и подвергнуть полученный гибрид всем мыслимым испытаниям на выносливость и выживание.

В самом деле, рэгтайм, блюз и джаз обязаны своим происхождением двум великим музыкальным традициям — африканской и европейской, встретившимся на американской земле. Европейская традиция была представлена отнюдь не «высокой» или «ученой» классикой, но простонародно-бытовыми и фольклорными жанрами, привезенными в Новый Свет торговцами, ремесленниками, мореходами и крестьянами из Англии, Шотландии и Ирландии, из Германии и Скандинавии, из Италии, Испании и Франции, а также из славянских стран. Некоторые группы этих переселенцев старались и в Америке держаться вместе, подолгу сохраняя язык и обычаи прежней своей родины. Другие тут же рассеивались, но в любом случае музыкальные элементы их старой культуры быстро перемешивались, вступали в новые сочетания и, сохраняя изначальные, приобретали и такие свойства, какими никогда не обладали раньше. Короче, превращались уже в совсем иную, американскую, музыку.

Судьба африканского наследия в его взаимоотношениях с европейским (в его уже американских модификациях) была наиболее драматичной. Обе традиции сталкивались на плантациях, где черные рабы трудились и жили по соседству с белыми батраками и мелкими фермерами; в церквях, где негры знакомились с христианскими песнопениями, тут же переиначивая их на африканский лад; в портовых доках, на прокладке железных дорог и в гуще больших городов, где простые люди всех рас вели каждодневную борьбу за существование. Так складывался афро-американский фольклор и выраставшие из него формы профессионального музыкального искусства, в свою очередь, влиявшие на музыку белых американцев и вновь видоизменявшиеся под ее ответным воздействием...

Становление рэгтайма, блюза и джаза шло в этом непрерывном диалоге, обмене и взаимобогащении. В их формировании прямо или косвенно принимали участие республиканские идеалы и рабовладение, расово-социальное неравенство и освободительное движение, промышленная революция, демократизация искусства и рост массовых комму-

никаций, жажда творческого самовыражения и желание нажить на нем как можно больше денег. История рэгтайма, блюза и джаза помогает нам яснее видеть пути развития нынешней популярной музыки, объективнее оценивать ее сильные и слабые стороны, глубже осознавать ее противоречия, проблемы и перспективы.

Вначале была личина.

Есть какая-то злая ирония и вместе с тем своя логика в том, что популярность «черной музыки» начинается с жанра, который уже полтора столетия назад придумали, осуществили и наиболее успешно практиковали не столько черные, сколько белые, замаскированные под негров.

Гротескно-комические или жалостливо-сентиментальные образы «чернокожего дикаря» — танцора и певца, встречались на американской, а до нее британской эстраде еще в XVIII столетии. Выступали они, правда, лишь в качестве эпизодических фигур и, кроме грима, не имели в себе решительно ничего от негров: их музыка и пластика оставались чисто европейскими и к тому же самого стертости и бесцветности свойства.

Рассказывают, что в 1828 или 1829 году одному из таких певцов-танцоров по имени Том Райс, удрученному банальностью своего репертуара и мечтавшему о том, чтобы придумать что-нибудь посвежее и пооригинальнее, случилось увидеть в Луисвилле, Кентукки, как старый подметальщик-негр, с трудом волочивший скрюченные ревматизмом ноги, помогал себе в работе, напевая под нос смешной куплет:

Повернись-ка, покрутись-ка, словно ты здоровый,

Каждый раз, как повернешься, прыгай, как Джим Кроу¹.

В такт куплету он продвигался вперед шаркающей и вместе с тем подпрыгивающей походкой (особенность, типичная для африканской и афро-американской народной хореографии), которая не только заинтриговала Райса, но и дала ему идею его нового номера — сольного «негритянского» танца с припевом под прыгающую ворону.

Номер имел сокрушительный успех — причем не только в Штатах, но и в Англии: так был создан первый в истории «международный хит» — боевик, пришедший в Европу из Нового Света.

Следующим логическим шагом стал переход от сольных дивертисментов к музыкально-театральным представлениям, где уже все персонажи были «неграми». В 1843 году состоялся дебют «Виргинских менестрелей», которыми руководил Дан Эммет: намазав лицо жженой пробкой и вырядившись в аляповато-яркие, преувеличенно-франтовские, почти клоунские костюмы, чистокровные англосаксы разыгрывали на эстрадных подмостках комические сценки из «негритянской жизни на плантациях», вели шутовской диалог на якобы негритянском диалекте, пели и плясали с истошными воплями, гиканьем, ужимками, жестами и гримасами под зажигательный аккомпанемент яростно звенящего банджо, хрипло завывающей скрипки, остро пощелкивающих костяных стучалок и гулко-тамбурина. Все вместе это называлось «минстрел-шоу»² и вызывало неистовый рев восторга у мужской (женщинам наблюдать подобное не полагалось) публики Нью-Йорка, Филадельфии, Бостона и других северо-восточных городов. Никакой красоты или изящества художественной формы, никакого познавательного содержания, никаких благородных порывов, романтических страстей или возвышенных мыслей от зрелищ такого рода не ждали.

Первопоселенцы Новой Англии и несколько поколений их потомков исповедовали кальвинизм — мрачное, фанатически нетерпимое религиозное учение. Последователи Кальвина, во всяком случае наиболее рьяные из них, решительно отвергали все светские развлечения, особенно музыкальные

¹ *С г о w* по-английски значит «ворона». — Примеч. авт.

² «*М и н с т р е л - ш о у*» — представление менестрелей (так в средние века называли певцов-музыкантов-декламаторов, служивших при дворах феодальных сеньоров). В США термин *minstrel* приобрел несколько иное значение, которое станет ясным из дальнейшего. Подробнее об этом можно прочесть в книге: К о н е н В. Д. Путь американской музыки. М., 1977. — Примеч. авт.

спектакли. Даже патристические пьесы об американской революции навлекали на себя огонь жесточайшей критики. «Что это такое? Неужели нет больше стыда, совести, страха перед богохульством, отвращения к ужасающей тривиальности и пошлости? — негодовал в начале 20-х годов прошлого века виднейший ревнитель музыкального благочестия (и, между прочим, крупнейший педагог) Томас Хэйстингс. — Они написали историю своего восстания, положили ее на музыку и из театра, кабака привели тех, кто ее будет петь. А публика — что она собой представляет? Несомненно, такие низменные существа можно найти только среди безнравственных подонков общества».

Столь же категорически отвергались и танцы — будь то на сцене или в быту. Единственно подобающим добродушному христианину считалось строго регламентированное хоровое пение религиозных гимнов и псалмов. Занятие это, всемерно поощряемое церковными кругами, усиленно культивировалось в специально созданных певческих школах, роль которых в общественной жизни тех лет была исключительно велика. «Разве не доставляют такие школы средства невинного и полезного освежения и отдыха? — убеждали соотечественников основатели движения еще в XVIII веке. — Не помогают ли они отвращать молодых людей, более всего восприимчивых к научению, от приобретения склонности к пустым, бездумным, не побоимся сказать — пагубным песенкам и балладам и не изгоняют ли эту мерзость из их души? Опыт подтверждает, что это так!»

Опыт подтверждал наряду с этим и кое-что иное. Изгоняемое через дверь влетало обратно через окно, и певческие школы, бывшие до начала XIX столетия, по сути, единственным местом, где молодые люди обоюбого пола могли проводить вместе время, нередко служили не совсем тем целям, которые ставили их основатели. История сохранила характерное тому свидетельство в виде послания некоего первокурсника Йельского университета, жалующегося своему товарищу: «Ныне не чувствую я склонности решительно ни к чему на свете и от всей этой жизни мне нестерпимо тошно. Если бы не надежда отправиться вечером на спевку и не получить там немного грешного удовольствия в виде поцелуев, я не поколебался бы добровольно покинуть этот мир хоть сию минуту».

Блюстителю пуританской нравственности старались, конечно, чтобы их воспитанникам и в голову не приходило столь нечестивые ассоциации с музыкой. Обучение хоровому пению было построено так, чтобы в нем не оставалось и тени мирского соблазна. И прежде всего никакого ритмического пульса (бита), волнующих интонаций, связанных с танцевальной пластикой, тревожащих диссонансов, чувственного тембра, эмоциональных возгласов и, разумеется, свободного варьирования мелодии во время исполнения, то есть импровизации, — короче, всего того, что извечно было присуще любому народному хору, всегда являющемуся также и хороводом. Взамен утверждалось представление о некоем идеальном, очищенном от всего «низкого», исполнении, которым надлежало овладеть путем изучения специальных правил, полагавшихся священными, вечными и нерушимыми (правила эти с течением времени, конечно, менялись, но общий взгляд на вещи оставался тем же). Оценивать деятельность этих певческих школ только отрицательно было бы очень большой ошибкой: тысячи людей приобщались благодаря им к нотной грамоте и основам теории, что открывало, хотя бы в принципе, доступ ко множеству самых разных сочинений и позволяло осознать задачи музыки как исполнительского и композиторского искусства. Хоровая культура Новой Англии существенно продвинула художественное развитие среднего американца, хотя всех его эстетических потребностей обеспечить не могла. Желанную разрядку приносило минстрел-шоу, где балаганные «негритосы с плантациями» кривлялись, строили рожи, скакали и кувыркались, орала во все горло, неистовствовали в диком танце под варварскую музыку и вообще вели себя так, как приличному белому горожанину вести себя ни в коем случае не полагалось. Другое дело — негры, какой с них спрос? Свободные белые должны были надеть на себя личину черного раба, чтобы получить право высказать и испытать то, на что они

не осмеливались, будучи белыми! Сценическое или мысленное преобразование в негра (хотя бы и чисто условного) позволяло зрителям временно отбросить предписанную им строгую благочестивость, преодолеть собственную скованность, включиться в наслаждение простейшими, первичными радостями, «быть как дети»...

Было ли оно искренним, неподдельным и детским, веселье белых людей с зачерненными лицами, половину которых составляли нарисованные в застывшей улыбке розовые губы? Как относились к ним те, кто аплодировал им, твердо зная, что перед ними вовсе не негры, а всего лишь изображение негров — как раз такое, какое им больше всего хотелось бы видеть? И было ли то, что им показывали Джордж Вашингтон Диксон, Том Райс и Дан Эммет — ведущие авторы-постановщики минстрел-шоу, — хоть сколько-нибудь похоже на действительное творчество афроамериканцев?

Вопросы эти крайне существенны для понимания самой идеи поп-музыки, как той, так и современной. Образы минстрел-шоу были, конечно, карикатурой, но на кого именно? Любая карикатура — это целенаправленная деформация каких-то характерных черт реальной фигуры. В данном же случае деформация выходила по меньшей мере двойной, если не тройной. Оригинал для минстрел-шоу послужило вовсе не подлинное «черное искусство» — о его существовании вплоть до конца XIX века просто-напросто не подозревали, но та карикатура на него, которую предложили сами черные. Как же это произошло?

Задолго до того, как состоялся дебют белой труппы «Виргинские менестрели», утвердивший окончательно кристаллизованную форму данного жанра, крупные южные плантаторы уже имели обыкновение держать при себе певцов, танцоров и музыкантов, обязанных развлекать их самих и приезжавших к ним гостей. От этих черных менестрелей ждали, разумеется, не трагических спиричуэлс, не жалобных блюзов и не вызывающих рабочих песен. Джентльменов более всего потешало то, как «эти черномазые» пытаются подражать белым аристократам: одеваться в их платье, перенимать их походку, говорить их языком, музицировать, петь и танцевать «по-господски». Так же благосклонно принимались идиллические картинки счастливой жизни кротких и покорных рабов, поющих и пляшущих перед своими хижинами среди хлопковых полей. В конце все участники представления выстраивались кружком и, приплясывая, подходили поочередно к хозяину, чтобы получить из его рук награду за верную службу и приложенное старание. Наградой же служил кусочек пирожного, почему и весь этот церемониал именовался «кэйк-уок» (cake-walk) — «пирожное шествие».

Итак, по прихоти рабовладельцев чернокожие невольники создавали карикатуру на самих себя, но только ли на себя одних? Оказывается, еще раньше рабы на плантациях постоянно пародировали белых людей, обитавших в господском доме: высмеивали их надменность и напыщенность, их чопорный этикет, их забавы и развлечения (в том числе музыкальные), их вычурные костюмы, выписываемые из Парижа и Лондона, но мало подходившие к сельскому быту Виргинии или Каролины. И, глядя на представление черных менестрелей, нельзя было сказать наверняка, что это: наивное подражание или скрытое издевательство, старательная угодливость или замаскированное презрение, смиренная покорность или торжество над оставленным в дураках самодовольным тупицей, так и не понявшим, что над ним смеются. Так что же, в конце концов, являлось объектом сатиры для этих черных — они сами, их собратья или их хозяева, или же и те, и другие, и третьи вместе?

Неуловимые переходы с одной позиции на другую, перекрестное пародирование, умение в любой момент вывернуть наизнанку, казалось бы, очевидный смысл — вот что составляло главный нерв художественного творчества черных. Компромисс и непримиримость парадоксально сочетались в непрерывной смене защиты и нападения. Лишь так ухитрялись они как-то сопротивляться давящему на них физи-

ческому и социальному гнету, поддерживать друг друга, хранить в глубине своего существа ту искру надежды и те драгоценные крупы личного достоинства, без которых человек навсегда утрачивает всякую волю к жизни и борьбе.

Создатели и поклонники жанра белого минстрел-шоу интуитивно ощущали этот подспудный потенциал. Глядя на негров снисходительно-покровительственно, они не могли не завидовать втайне их жизненной силе и заразной эмоциональности любого из их художественных проявлений. Не только буффонада, но и что-то вроде ребяческого восхищения «нашими ребятами» звучало в словах:

На скрипке нет мне равного,
Все признают в Виргинии:
Играю по-ученому,
Как мистер Паганини я!

Вместе с тем многие белые американцы чувствовали и неутрачиваемые укоры совести при мысли о чудовищной несправедливости, совершаемой по отношению к черному народу. Сюда же присоединился и смутный страх перед возможным возмездием (восстание виргинских рабов под водительством Ната Тернера в 1830 году — самое крупное в длинной цепи ему подобных — служило тому достаточным основанием). Ранний стереотип «негра с плантацией» — в меру простодушного, в меру остроумного и всегда «знающего свое место» — был призван так или иначе заглушать, смягчать и подсознательную зависть, и не вполне спокойную совесть, и нарастающую тревогу.

Со временем стереотип этот все-таки менялся. Движение аболиционистов (сторонников освобождения негров), а затем гражданская война между Югом и Севером, в результате которой рабовладение в США было отменено законом, сообщили «менестрельному негру» черты известного благородства, подчас даже героичности, хотя, конечно, с тем же оттенком гротеска:

Мне матерью была волчица,
Отцом — свирепый тигр.
И вышел я, как говорится,
Простой виргинский ниггер.
Наполовину я огонь,
Пылаю, как комета,
Наполовину гром — ведь я
Восьмое чудо света.

Но исходный принцип оставался тем же, и негры, изредка попадавшие на представления минстрел-шоу, наблюдали одно и то же: толпы белых зрителей платили деньги за то, чтобы увидеть, как другие белые, зачернив себе лица, старались подражать черным людям, изображающим белых людей...

Тех негров, которые всерьез мечтали во всем походить на белых буржуа, подобные зрелища возмущали. Но менее щепетильные и более предприимчивые их соплеменники довольно быстро сообразили, что могут делать то же самое ничуть не хуже белых. Тем самым участь жанра, и так уже во многом утратившего в изменившихся условиях свой первоначальный смысл, была предрешена, хотя ему и суждено было процветать еще несколько десятилетий. В последней трети XIX века действовало уже не менее десятка знаменитых по всей Америке негритянских трупп минстрел-шоу (их менеджерами, впрочем, были исключительно белые). В силу той же исходно парадоксальной, вдвойне и втройне ироничной своей природы они воспроизводили перед белой публикой все установленные каноны жанра — вплоть до клоунской маски менестрельного негра, которую чернокожие актеры продолжали рисовать на своих лицах! Многие из них успешно гастролировали вместе со своими белыми коллегами и в Европе, прежде всего в Великобритании, где минстрел-шоу пользовались давней и очень большой популярностью (негритянский виртуоз Джеймс Боуи давал даже уроки игры на банджо Эдуарду, принцу Уэльскому, сыну королевы Виктории). Во Франции знаменитый композитор Клод Дебюсси отметил их визит фортепианной прелюдией под названием «Minstrels».

В 90-х годах прошлого века появились негритянские минстрел-шоу, участники которых перестали гримироваться под белых, изображающих черных людей. Лицо впервые выглянуло из-под маски — пока еще очень робко, украдкой. Шаг этот, казалось бы, не такой уж значительный, сокрушительно потряс основы не только внешней образности, но и всей менестрельной эстетики вообще¹. С комических мизансцен упор был перенесен на музыку и хореографию, причем наиболее разработанным оказывался теперь заключительный эпизод — тот самый круговой хоровод, «пирожное шествие», кэйк-уок. Значение его также стало совсем иным: на смену подобострастной благодарности милостивому хозяину пришел апофеоз только что обретенной свободы.

В действительной жизни, однако, свобода оборачивалась для вчерашних невольников далеко не сладкой своей стороной. Цепи рабства пали, но вместе с ними распалось и все то, что три столетия подряд придавало несправедливый, но определенный и устойчивый порядок взаимоотношениям белых и черных людей Америки. Рассыпалась на кусочки и обманчивая целостность заведомо противоречивой концепции минстрел-шоу, фактически от нее остался один лишь финал спектакля, который быстро выродился в чисто показательный дивертисмент или самостоятельный инструментальный номер. В таком качестве он и стал все шире исполняться в цирках, во время уличных парадов, в появившихся тогда мюзик-холлах и театрах варьете (уже упомянутый ранее Дебюсси откликнулся и на эту тенденцию: его сюиту «Детский уголок» завершает «Gollywog's Cake-Walk». Gollywog — кукла, изображающая потешного негра). На пороге наступающего XX столетия этот номер сошел с эстрадных подмостков и захватил бальные залы, ресторанные дансинги и фешенебельные гостиные по обе стороны Атлантики. Ансамбли, ранее сопровождавшие представления минстрел-шоу, без всякого труда переключились на исполнение модных танцев, и незаметно это становилось главной их функцией (из таких ансамблей, кстати, вышли многие пионеры джаза).

Сочинители мелодий не успевали удовлетворять растущий спрос, ноты очередных новинок немедленно перепечатывались во всех столицах Америки и Европы. В Москве и Санкт-Петербурге издатель А. Гутхейль осенью 1903 года предлагал любителям пять свежих наименований, в том числе «The Perman's Brooklin Cake-Walk», снабженный следующим наставлением:

«КЭКЪ-ВОКЪ» (танец негров) в буквальном переводе: «пирожный танец» — есть национальный танец американских негров, исполняющийся ими с большим увлечением и характеризующий их особенную, оригинальную веселость. Заканчивается этот танец обыкновенно призом за самое оригинальное исполнение. Чтобы некоторым образом подражать танцу — необходимо соблюдать следующие 4 ПРАВИЛА: 1) делать шаги с легким подпрыгиванием (двойной шаг, как в танце «Почта Вашингтона»). При каждом шаге — сгибать колено и выбрасывать вперед ногу. 2) Во все время исполнения слегка размахивать руками, большею частью вытягивать руки вперед с висящими вниз кистями рук. 3) Держаться, корпусом отвалившись назад. 4) Все время быть в движении; танцевать грациозно! Оригинальность этого танца состоит в том, что во время его исполнения сами танцующие стараются придумывать все новые, характерные и оригинальные комбинации исполнения».

О том, как следует играть эту вещь на фортепиано, печатная инструкция ничего не говорила, но в нотах после умеренного темпа вступления, там, где начинается собственно танец, стояло совершенно новое, дотоле неведомое обозначение: RAG — Time, дословно: р в а н о е или р а з о р в а н н о е время: рэгтайм.

¹ Говорить о полном ее исчезновении было бы неосторожно даже сегодня: многие характерные черты эстетики минстрел-шоу явственно возрождаются в наши дни деятельностью таких диско-групп, как «Бони М», «Эрашин» и «Силвер Конвеншн», состоящих из негритянских исполнителей, руководимых белыми продюсерами-менеджерами. — Примеч. авт.

АВИНЬОНСКИЙ ШАНС

С начала июля до конца августа древний город Авиньон отдан театру. Выступают труппы всемирно известные и не известные пока никому; уличные мимы и клоуны, герои Мольера и Шекспира приходят к авиньонцам запросто — потому что это их время, время ежегодного театрального фестиваля.

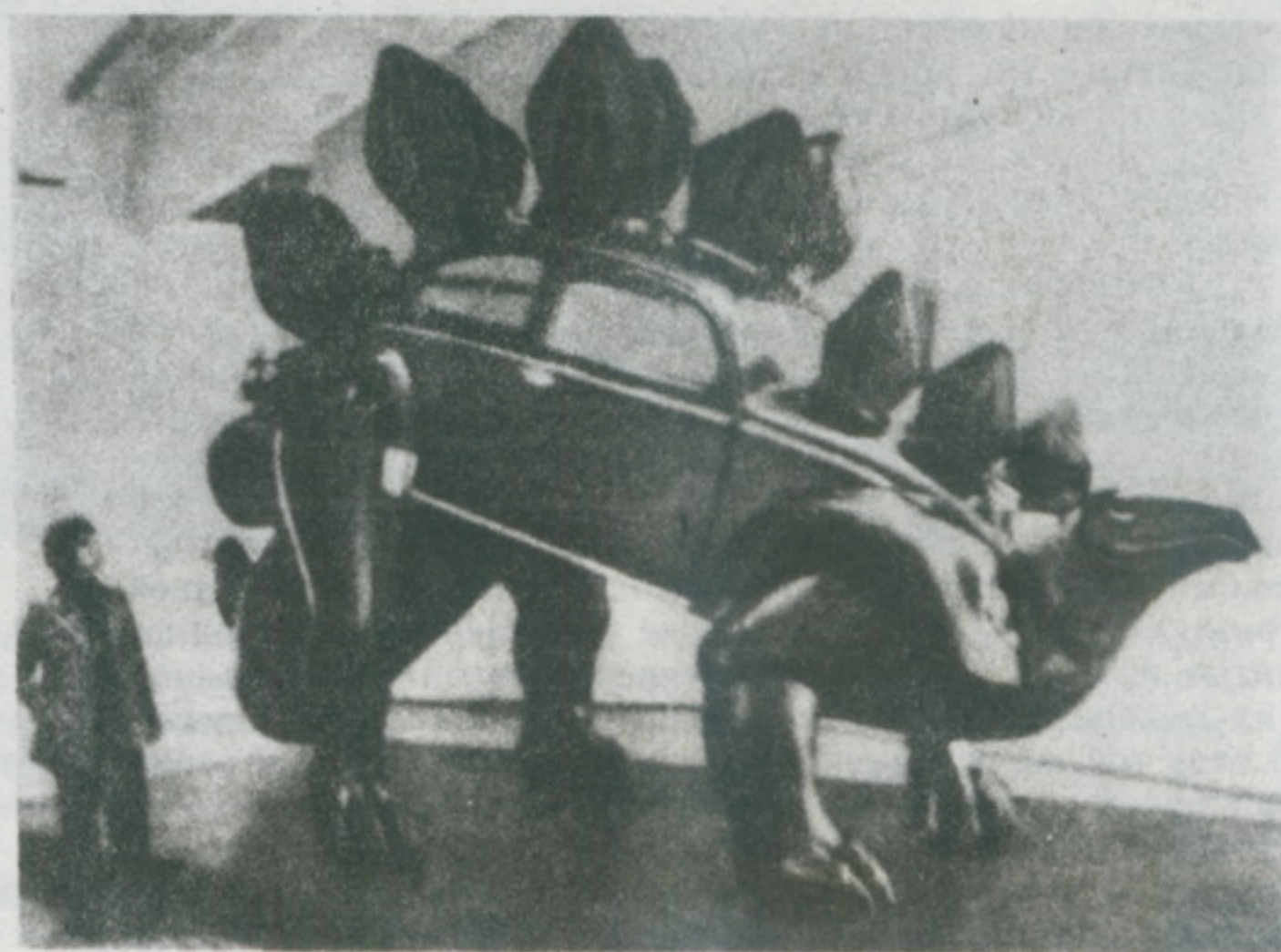
А придумали его еще в 1947 году знаменитый французский театральный деятель и режиссер Жан Вилар и великий актер Жерар Филип. Придумали, чтобы дать возможность театрам пообщаться на короткое время друг с другом, поучиться и, главное, чтобы дать шанс тем, кто еще неизвестен, показаться сильным театральному миру, и... В общем, шанс всегда есть: фестиваль-то бывает каждый год, и каждый год театры радуются друг на друга. Ну, конечно, и зрители не в обиде.

ГОРЫ — ДЛЯ УМНЫХ

Профессия людей, которых вы видите на снимке, — риск. Они рискуют жизнью по долгу службы ради того, чтобы спасти жизнь тем, кто рискует ею по собственной прихоти. «Конечно, это прекрасно — испытывать себя в горах, но ведь надо и голову на плечах иметь», — говорит руководитель швейцарской спасательной службы. Каждый год сотни неумелых, неподготовленных альпинистов пытаются «покорять» Альпы. Они кажутся им такими «домашними», «европейскими»: «Мы ведь лезем не на Гималаи», — говорят они. И вот результат легкомыслия: только в прошлом году в горах Швейцарии погибли 202 альпиниста.

НОВОСТИ АРХИТЕКТУРЫ. «Вы располагаете 1800 фунтами! Если да, то у вас есть шансы выжить, случись нейтронной бомбе упасть на город», — пишет английская газета «Морнинг стар». В Лондоне спешно возводятся противонейтронные бомбоубежища, местонахождение которых держится в секрете, дабы не причинять неудобств тем, кто успел заплатить 1800 фунтов. «Нам не нужно излишней толкотни», — заявил один официальный представитель. Ну а те, кто не хочет или не может купить себе индивидуальное спасение, выходят на демонстрации протеста. Это, пожалуй, более надежно.

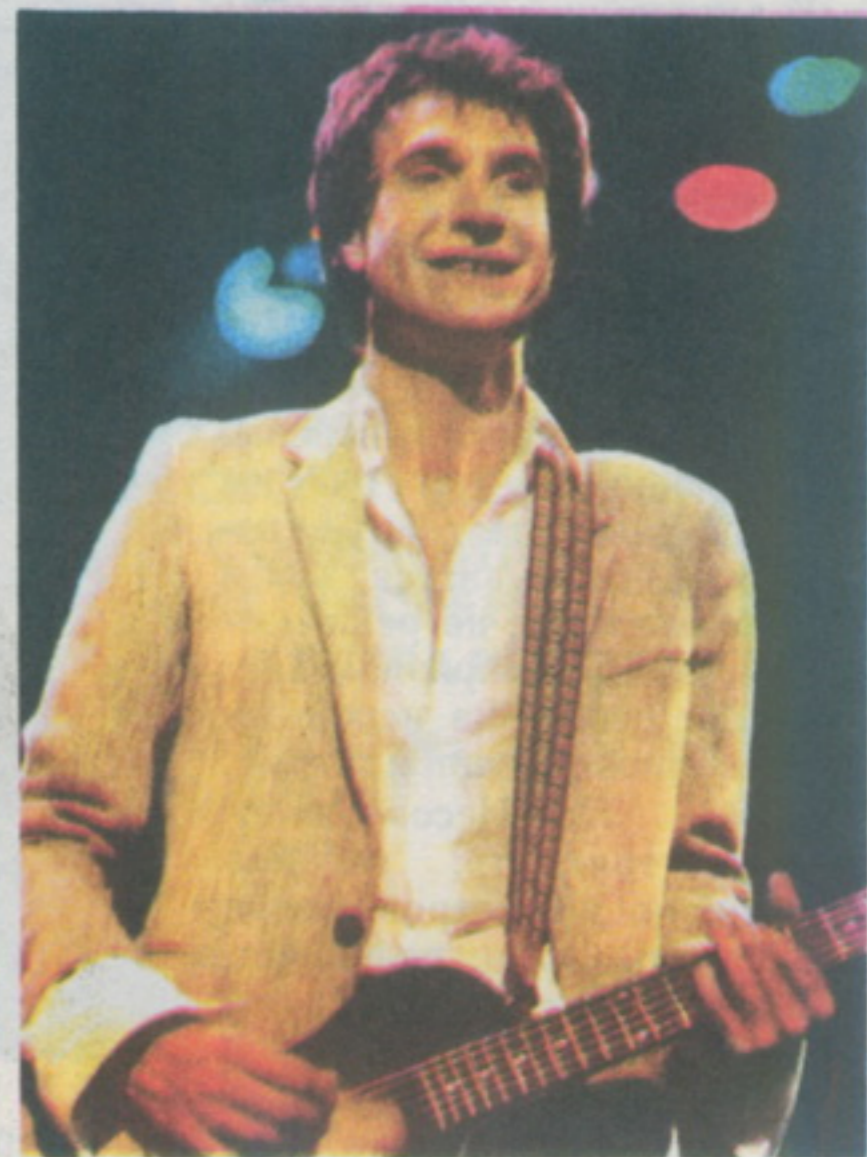
ДОЛОЙ, В РАЗРЯД ИСКОПАЕМЫХ!

Американская художница Патриция Реник соорудила этого динозавра из корпуса автомобиля «фольксваген» и частей отслужившего свой срок американского военного вертолета. Монстр выставлен рядом с университетом в городе Цинциннати. Патриция Реник, которая преподает в этом университете, объясняет смысл своего произведения так: «Пусть наконец наступит день, когда лишь в музеях можно будет увидеть подобную продукцию современной цивилизации!»

«БЫЛ БЫ У КРИСТИНЫ ДОМ...»

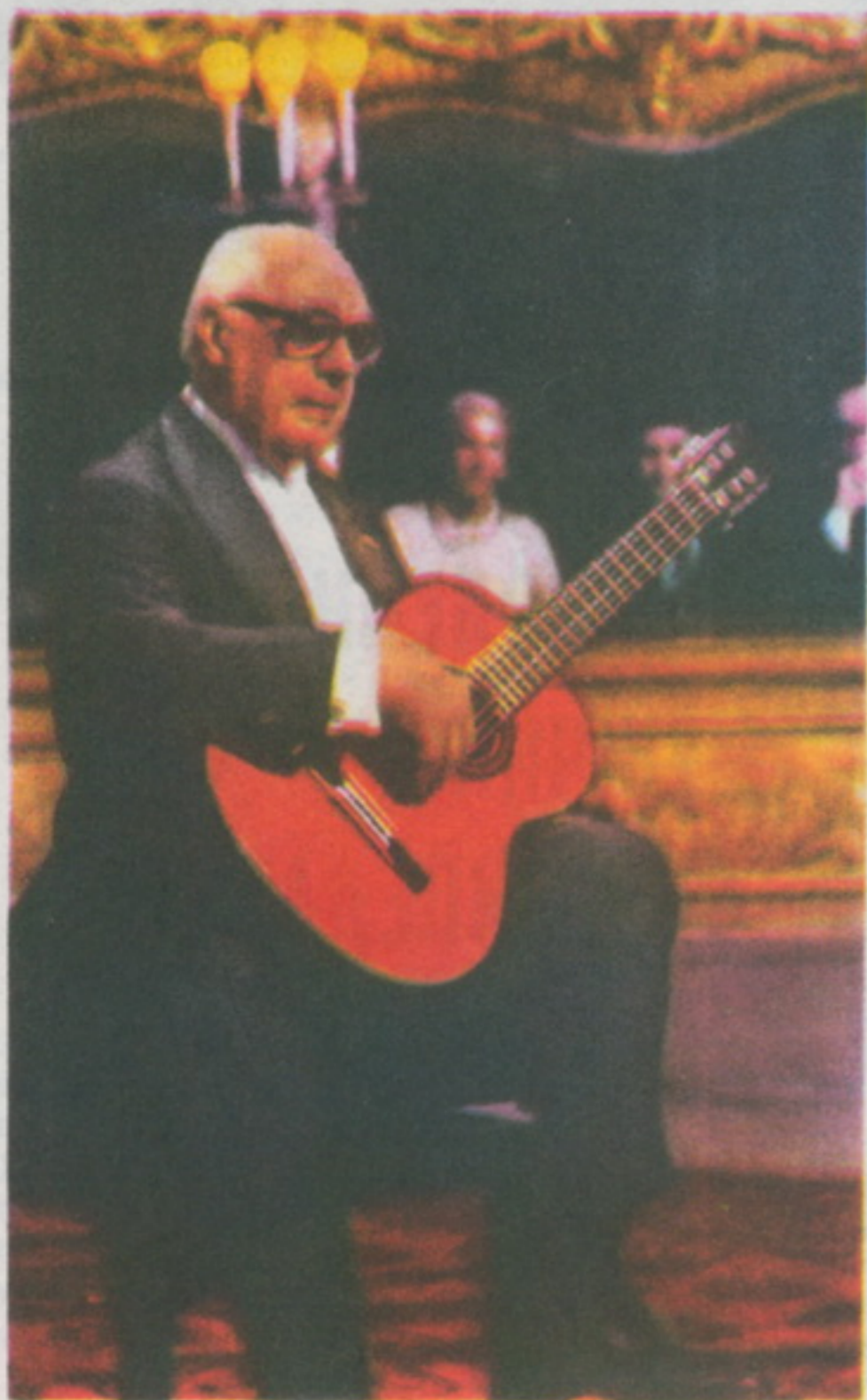
...ее судьба сложилась бы иначе» — так говорит о своей героине Наталья Брунхорст — исполнительница главной роли в фильме «Рассказ Кристины Ф.». (О трагической, но такой нередкой для юных жителей ФРГ судьбе Кристины Ф. «Ровесник» писал в № 12 за 1979 год.) 13-летняя западно-берлинская школьница уверенно держится перед камерой. «Войти в роль» помогает ей собственная жизнь — у нее нет матери, живет она вместе с братом и отцом, перебивающимся случайными заработками. Съёмочная группа во главе с режиссером Ули Эделем работает не в павильонах студии. «Декорации» — улицы Западного Берлина и печально известные станции подземки. Именно здесь проводят дни и ночи «шайки» подростков, выпрашивая и подворовывая деньги на очередную дозу наркотика, дающего желанное забытие. По мнению создателей картины, их работа — попытка привлечь внимание общественности к проблемам буржуазной семьи и возрастающему отчуждению молодежи. На снимке: юные артисты — Наталья Брунхорст и Томас Хауштейн.

Вы спрашивали

ЧТО НЫНЧЕ С «КИНКС»?

Да все то же самое — вот уж второй десяток лет без перемен. Впрочем, «ничего» тоже вознаграждается: к примеру, во французской «Энциклопедии» рока им уделено больше места и внимания, чем «Битлс». «Это потому, что мы играли всегда и везде, — заявил руководитель ансамбля «Кинкс» Рэй Дэвис (на снимке он — вверху, а внизу — его брат Дэйв), — приобретали новых поклонников и никогда не обижали старых». Действительно, музыкальные волны катились одна за другой, но «Кинкс» взбирались, держались и удачно скатывались с каждой. В последнее время «Кинкс» предпочитают спокойные воды: «Волны улеглись в нашем тихом бассейне — музыка для всех, музыка на все вкусы. Нас ценят за одно достоинство, — заявляет Дэвис, — за недостатки. Каждый находит в нас себя».

ПАГАНИНИ ГИТАРЫ

Андресу Сеговиа — 86 лет. Из них 83 года он посвятил игре на гитаре. Сегодня, по общему мнению, он лучший гитарист мира.

А начал он свои выступления в 1910 году. Один из друзей гитариста рассказывал: «На первый концерт Андреса никто не пришел. На втором народу было еще меньше». Но в 20 лет Сеговиа уже называли «Паганини гитары». Именно он превратил гитару, которую тогда никто не принимал всерьез, в инструмент, который может владеть многотысячными аудиториями.

Недавно в Венеции гитарист получил одну из самых почетных музыкальных премий — «Жизнь, отданная музыке». И Сеговиа продолжает выступать. Правда, почти уже не играет на «бис» — «Извините, гитара устала».

К лету начинают съезжаться верующие. Как и всех верующих, их объединяют коллективная экзальтация, надежды и мечты. Но то, во что они веруют, не имеет ничего общего с религией: они хотят найти Несси — таинственного обитателя озера Лох-Несс, и, как всегда, уверены, что именно на этот раз им удастся раскрыть тайну. Уверенность основывается, как и в прежние годы, на решимости и — это уже признаки нового времени — на использовании сложной аппаратуры.

Длина Лох-Несс — километров тридцать, глубина доходит до 300 метров. Озеро исследуют, фотографируют, за ним наблюдают с катеров, мини-подлодок, батискафов и даже с гидросамолета. На этот раз озеро тралили и детально изучали с помощью сложной современной системы телекамер. Использовали даже дрессированных дельфинов, снабженных телекамерами с автономной системой освещения.

Около тысячи человек клянутся, что видели чудовище. Исключим шутников и просто фантазеров. Примерно сотня свидетелей заслуживают доверия: что-то они действительно видели. Из всех «охотников» выделим Тима Диндейла, который в 1960 году снял Несси на киноплёнку. С той минуты он потерял покой, забросил свою профессию авиаинженера и полностью ушел в поиски. Есть еще Айвор Ньюби, который в течение последних двадцати лет каждый год проводит свой летний отпуск на бере-

гах озера; зеленщик из Лондона Фрэнк Сиэрл оставил на жену торговлю и окончательно переселился к Лох-Несс: хотя он и утверждает, что около двадцати раз фотографировал чудовище, эксперты всегда сомневались в подлинности снимков.

Но особого внимания, разумеется, заслуживает присутствие на берегах озера Роберта Райнса, президента Академии прикладных наук из Бостона. Он приезжает сюда уже десятый год подряд, и благодаря главным образом ему многие «специалисты по Несси» объединились в одну экспедицию: профессор Массачусетского технологического института Гарольд Эджертон, который впервые применил в фотографии электронную вспышку (он входил в одну из послед-

них экспедиций Ива Кусто, изобретенный им радар-лот где его и прозвали «папаша-вспышка»); Мартин Клайн — нефти всеми нефтедобываю-

НЕССИ, УЛЫБНИТЕСЬ — СНИМАЕМ!

Найджел СИТУЭЛЛ,
английский журналист

ЭТИ ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ МУЖЧИНЫ НА ВЕЛОСИПЕДАХ

Для любителей мировых первенств «Тур де Франс» — необычайная гонка, а для французов — это уж точно ежегодное событие века. (Говорят, разразись в эти дни хоть Страшный суд, судебная хроника попадет

на задворки газет, а велогонка, как всегда, займет первые полосы.) «Тур де Франс» — это три с лишним тысячи километров и 22 дня дождичков на бельгийской границе, жары Средиземноморского побережья, шиплю-

шими компаниями, особенно теми, которые ведут поиски в Северном море, и, наконец, Чарльз Уикофф, изобретатель и специалист по фото-пленке.

Некоторые из них уже участвовали в экспедиции 1975 года. Тогда с помощью компьютера, подключенного к подводной фотокамере, удалось запечатлеть «движение» на дне озера. Потом члены экспедиции заявили, что это была часть туловища и хвост чудовища. Значение этих снимков возросло, когда на магнитофонной пленке, записанной с помощью сонара в водах Лох-Несс, явно ощущалось присутствие «огромной массы». После этого английский академик сэр Питер Скотт сказал: «Эти новые факты, вкупе с уже имеющимися, доказывают, что в Лох-Несс живут животные огромных размеров». А пока он решил дать Несси научное название «Несситерас ромбоптерик», решив, что чудовище, очевидно, плезиозавр — пресноводное пресмыкающееся, вымершее 70 миллионов лет назад. Правда, хватало и тех, кто отрицал «открытие»: среди них наиболее авторитетными являются неверующие педанты из Гарвардского университета и Смитсоновского института, заявившие, что «доказательства весьма расплывчаты и поверхностны».

В позапрошлом году впервые попытались использовать двух дельфинов. На спине каждого укрепили миниатюрную фотокамеру, мощный электрофонарь и мини-сонар,

который, встречая препятствия большого размера, приводил в действие весь аппарат. Однако сразу после погружения один дельфин умер, и ученые решили отложить исследования. На этот раз оба дельфина — «англичане»: они родились и воспитывались у берегов Англии. Это поможет избежать тяжелой перевозки «помощников» через Атлантический океан. Аппарат, который понесут на своей спине млекопитающие, стал совершеннее: каждый дельфин опоясан специальным поясом с двумя водонепроницаемыми алюминиевыми трубками: в одной — 35-миллиметровая камера с объективом, в другой — мощная вспышка и мини-компьютер, обрабатывающий сигналы сонара, который, натолкнувшись на «движение огромной массы», приводит в действие всю систему.

При использовании дельфинов возникает серьезная трудность: они обитают в соленой воде морей и океанов, Лох-Несс же пресное озеро. Английская общественность немедленно встала на защиту животных. Один зоолог заявил, что пресная вода может нанести непоправимый ущерб шкуре дельфинов. Но Роберта Райнса это не остановило: он подготовил бассейн с морской водой, куда дельфинов помещали на различные сроки (до восьми часов) после погружений, чтобы с их шкурой ничего не случилось. Были приняты дополнительные меры, чтобы дельфины пребывали в добром здравии: к шее каждого

прикрепили баллон, который будет надуваться с катера и поднимать их наверх — вдруг млекопитающие потеряют ориентировку или не захотят возвращаться: так им понравится плавать в пресной воде. «Мы не хотим зря рисковать их жизнью», — заявил Райнс. — Сначала они будут нырять совсем ненадолго, и, если мы заметим, что дельфины плохо переносят погружения, то немедленно откажемся от их услуг».

Но сами члены группы сказали, что у них «припрятан в рукаве козырной туз» — сонар, который передает наверх не просто сигнал о появившемся препятствии, а и его изображение. Вот что говорят об этом участники экспедиции: «Поступил сигнал — и через несколько мгновений мы увидим изображение препятствия на листе специальной бумаги, не пользуясь фотокамерой с объективом. Зоологи, которые увидят «рисунки» сонара, не смогут более сомневаться в существовании Несси». Испытания «козырного туза» прошли на Лох-Несс: на листе бумаги появился четкий рисунок старого бомбардировщика «веллингтон», который упал в озеро и покоится на глубине 75 метров.

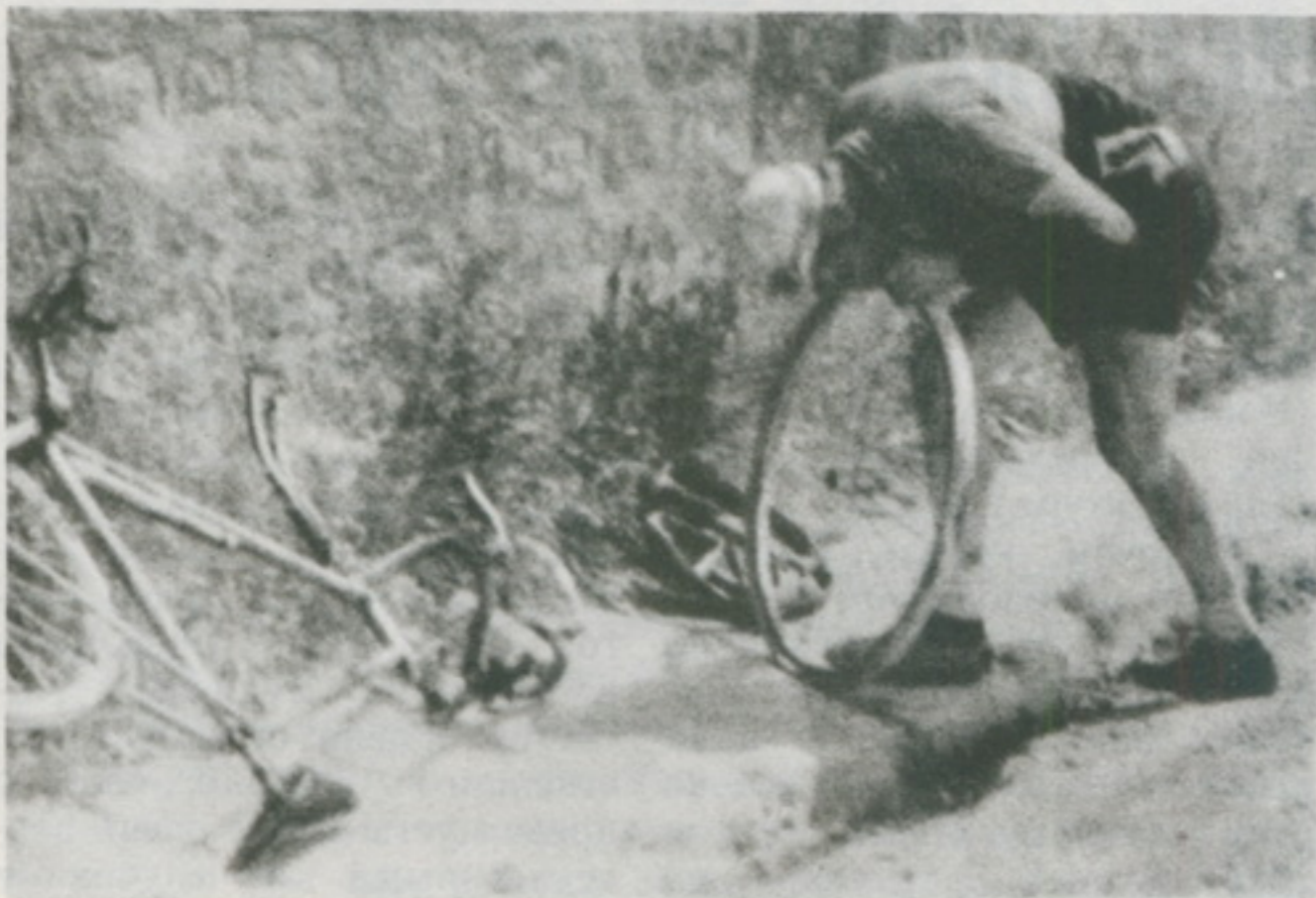
Эйдриен Шайн, еще один участник поисков Несси, посвятил всю свою жизнь охоте на чудовищ (особенно в озере Лох-Морар, где вроде бы водятся загадочные обитатели гораздо больших размеров, чем Несси). «Существуют конкретные возможности добиться успеха», — сказал

Шайн. — Это и подготовка участников экспедиции, и использование новейших технических средств. Мы разделим озеро на секторы, которые методично и по порядку исследуем сонаром-«живописцем».

А вот Алекс Кэмпбелл — один из многочисленных охотников-одиночек. Он пенсионер, бывший швейцар, все 78 лет своей жизни провел на берегах Лох-Несс. Кэмпбелл заявляет, что начиная с 1934 года видел Несси по крайней мере 18 раз. К его рассказам прислушиваются больше, чем к другим. Сейчас он забросил многолетние поиски в одиночку. Но так как он всю жизнь прожил у озера, где тайна и легенды сформировали его мышление, мы спросили его, не почувствует ли он себя ограбленным, если тайна, которую он столько лет хотел разгадать, будет раскрыта. «Нет», — ответил он. — Если тайна будет раскрыта, я останусь доволен. В конце концов мне поверят мои земляки».

Результаты исследований Райнса пока обрабатываются. Конкретных заявлений еще не делали. Но ученые спешат: «Отчасти потому, что Лох-Несс в последнее время становится жертвой загрязнения окружающей среды: любая отсрочка или задержка начала поисков может навсегда похоронить надежды разгадать тайну Лох-Несс — Несси может просто удрать куда-нибудь», — говорит Райнс.

Перевел с английского
Л. ВОЛОДАРСКИЙ

щего воздуха снежных альпийских перевалов, это жандармы на ревущих мотоциклах и их отчаянные вопли: «Освободите дорогу»; это длинный хвост машин с тренерами, массажистами, механиками, запчастями, инвентарем, продуктами, репортажами, родственниками, друзьями, агентами, меценатами и... Впрочем, всего не перечислишь. Меняется маршрут, «Тур» огибает Францию то по часовой стрелке, то против нее, но конечный пункт остается тем же — Париж. И все так же высок подъем Ванту, немой свидетель горных тра-

гедий «Тур де Франс» (когда-то здесь закончил свою карьеру знаменитый гонщик Том Симпсон). И опять — по тринадцатым числам, естественно, — будут завалы, клубки из гонщиков и искореженных велосипедов и подробные описания в газетах с перечнями переломов, сотрясений мозга и прочей занимательной информацией в том же духе. Но «Тур де Франс» все крутит педали, не считаясь ни с настроениями погоды, ни с роковыми тринадцатыми.

Отцом велогонки считают французского журналиста Анри Дегранжа, который с

ее помощью надеялся поднять тираж своей газетки «Ото-Вело». (Поначалу успеха не было, но через год, в девятьсот четвертом, разразился замечательный скандал: выяснилось, что четверка победителей преодолела часть дистанции, воспользовавшись услугами железной дороги.) Плебейский «Тур» родился в эпоху автомобилизации и роскошных спортсменов (произносить именно через «э») в шлемах, шелковых белых шарфах и перчатках с раструбам, что, казалось, никак не благоприятствовало его выживанию и развитию. Но Дегранжа это ничуть не смущало: он знал своих соотечественников и чутьем журналиста уловил народный дух «старомодного» спорта.

Уже в 1910 году гонка жала

на все педали и преодолевала крутые горные дороги пиренейских лесорубов, и велосипедными насосами гонщики отбивались от бурых медведей, преграждавших им путь. Популярность росла, и даже сам Дегранж удивлялся: «Франция удочерила гонку, такую же сорвиголову, как она сама, легкую на подъем и на жертву». Выжив в мировой войне, слабый росток «Тур де Франс» развивался и не ждал у Средиземного моря погоды — уже в первое мирное лето велогонка снова катилась по разрушенным улицам: этапы шоссе легли перед благодарными французами словно мосты в прошлое, в те времена, «когда жизнь была такой неповторимо прекрасной...».

Лучшие репортеры «Ото-Вело», полные сил и фантазии, работали на рекламу,

как кузнечные мехи раздувавшую воображение болельщиков. «Ото» писала: «На тысячах километров дорог гонщики ждут удивленные лентяи, пристыженные собственным комфортом, и, несомненно, они будут разбужены напором и неукротимой энергией этих мужчин». Журналисты работали по сформулированному Дегранжем принципу «человеческой стороны» дела: «Я не хочу знать, на какой передаче гонщик преодолел подъем; меня интересует, левой или правой рукой он поправляет кепи».

Реклама «Тур де Франс» сегодня — яблоко от яблони из сада неутомимого Дегранжа, все тот же будильник для лентяев. Нынче «Тур» превратился в некое наглядное пособие новому международному велосипедному движению, охватившему США и Запад-

ную Европу: велосипед как самозащита от сидячего образа жизни и... как решение топливного кризиса и проблем окружающей среды (о, где ты, мечта об автомобилизации, так ли ты сладка, как 80 лет назад?).

Но на одном энтузиазме далеко не уедешь. Есть другие мехи, которые весьма эффективно раздувают и интересы болельщиков, и интересы спортсменов, — материальная выгода. Речь идет не о бесплатной раздаче памятных брелоков, спортивных губок и пластмассовых авторучек с именами любимцев, не о призах чемпионам. Для болельщиков — это ставки, те же, что и на собачьих бегах, для спортсменов — это заработки у меценатов, курирующих команды («Тур де Франс» ныне — соревнование национальных сборных про-

Жил буржуа, поживал, и добра наживал. Добро нажил — захотелось благородства...

Из сказки

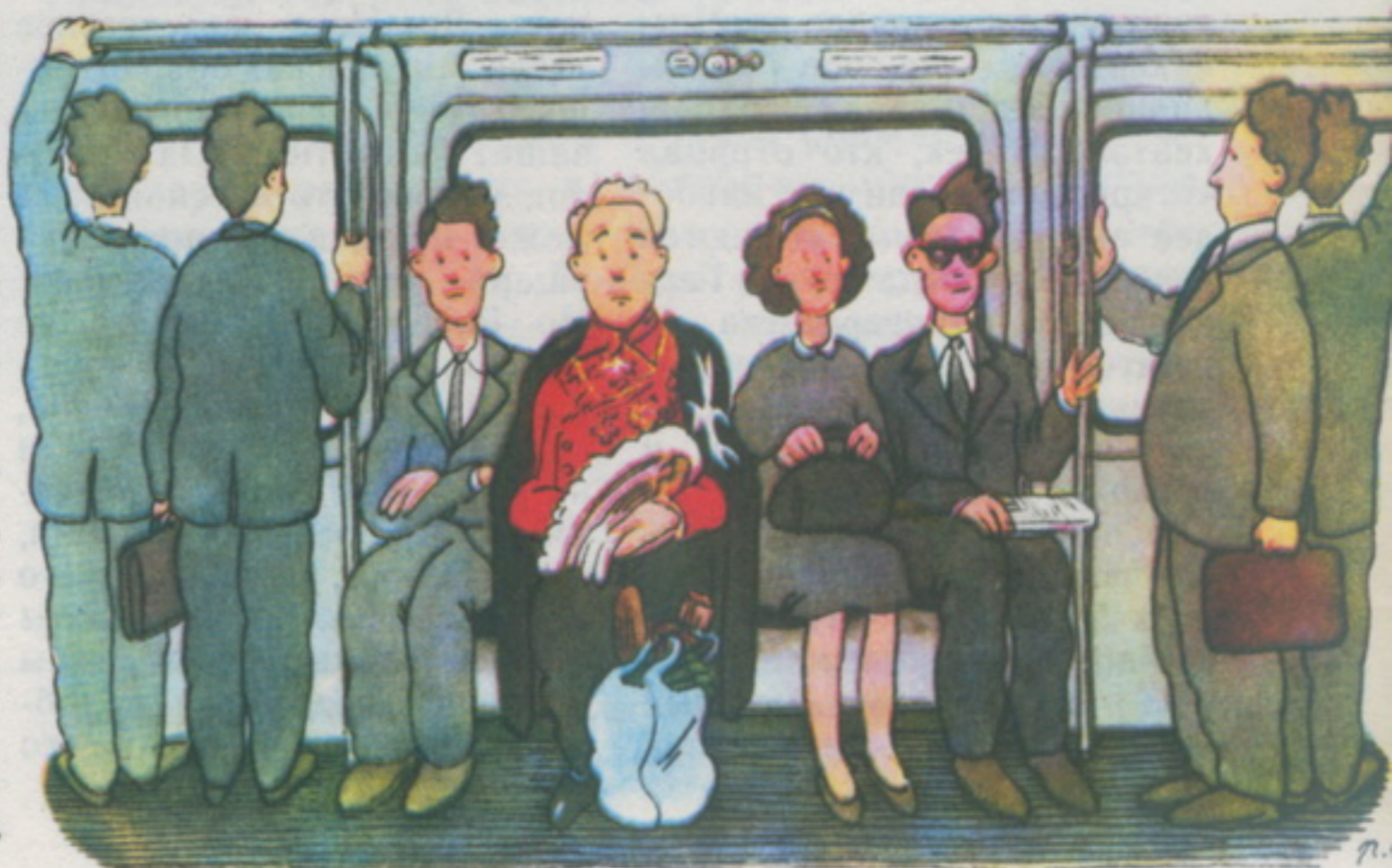
Намедни все утряслось с Мальтийским орденом: Ватикан вновь разрешил его кавалерам ношение парадной формы по специальным случаям — треуголка с весьма пышным оперением, черный плащ, украшенный вышитым белым крестом, красный мундир и весь набор регалий — цепь, кресты, звезды. Такое гуманное решение было встречено рыцарской общественностью с явным одобрением. «Это спасает культурное и духовное наследие нашей страны!» — воскликнул кавалер ордена князь Киджи.

Русский князь Кирилл Туманов, ставший на чужбине авторитетом по части итальянской геральдики, утверждает, что в этой древней стране всегда была популярна поговорка — «человечество стареет, дворянство — никогда». Но это не совсем верно, потому что в последние годы дворянство стало решительно молодеть, и, как говорится, по темпам роста оно мало уступает бурно процветающей безработице. На сегодняшний день в Италии живут и здравствуют 260 князей, 226 герцогов, 518 маркизов,

931 граф, 5 виконтов (этих мало по той причине, что сей титул в Италии считается заморским, точнее заальпийским), 368 баронов. В довоенном 1936 году, вспоминает князь Туманов, «маркизов едва набиралось 366, графов 672, баронов 233». Если не обращать внимание на князей и герцогов, то рост, безусловно, налицо.

Тут бы, конечно, только радоваться при виде такого всплеска благородства и поводов голубой крови, но трезво настроенные элементы из старой гвардии дворян лишь презрительно кривят губы: это, мол, «знать из Чампино».

Тут надобно сделать отступление и сказать, что Чампино — это местечко под Римом, где расположен столичный аэропорт. Именно там, в аэропорту, перед самым вылетом в португальское изгнание, бывший итальянский король Умберто спешно производил в рыцари коленапреклоненных честолюбивых буржуа. Как известно, после войны, в 1946 году, народ Италии высказался во время референдумов за установление республиканского строя и отмену монархии. Король, однако, хоть и удалился в изгнание, никакого официального отречения не делал и на этом основании оставил за собой право производить простых смертных в «божьей

ВСЯ БЛАГОРОДНАЯ РАТЬ

милостью» благородных. Именно тогда подались в графы до того простые синьоры Равицца (аптечное дело), Росси (виноторговля), Нодари (строительство), Вичи (архитектура) и т. д.

Впрочем, король Умберто не был монополистом в санопроизводстве. Не отказывал себе в этом скромном удовольствии и бывший папа Павел VI. Последним, вызвав тем самым немалый шум в благородных кругах, он

осчастливил родовым титулом некоего рядового американского миллионера. Настоящей же Меккой среди людей, охочих до фамильных гербов, считалось до последнего времени карликовое государство Сан-Марино, а точнее, существующий там орден святой Агаты. Достаточно было представить Великому магистру ордена описание собственного генеалогического древа пусть и с не очень разветвленными и глубокими

фессионалов). По результатам «Тур де Франс» высчитывают, сколько стоит тот или иной гонщик. Правда, «Тур де Франс» все же называют «самой любительской велогонкой профессионалов». У гонки был милый обычай: все заработанные призы складывались в командный котел и потом делились поровну. Но пришел знаменитый гонщик Жак Анкетиль и все испортил: команда командой, но деньги есть деньги, и моя доля — моя. А однажды гонку отдали коммерческим фирмам, и велосипедисты стали подвижной рекламой, вроде людей-сэндвичей с плакатами на груди и на спине. Наградами от процветающей торговли могли оказаться стиральная машина, бутылка шампанского, нижнее белье и просто сотенная купюра: шла борьба носков и помады. У француз-

зов отняли гонку, и они оплакивали ее, будто дочь, предавшую родителей. В романах настоящая любовь побеждает суету. Так случилось в жизни, и любовь французов победила коммерцию: под давлением общественности отказались от коммерческих сборных, и «Сапжнуу ваксу», «Зубную пасту» и проч. вновь сменили национальные команды.

Французы очень привязаны к гонке, можно даже сказать, что нынче «Тур де Франс» такой же символ страны, как и знаменитая Марианна. Все репортажи с «Тур де Франс», пестротой и непрерывностью напоминающие карнавальные разноцветные гирлянды, пережевывают долго и жадно. Живой интерес публики к взлетам и падениям своих любимцев проявился особенно ярко на примере вечного

неудачника Пулидора. 14 раз он участвовал в «Тур де Франс», последний раз в 1977 году, когда ему был 41 год, и ни разу не надел майки лидера, хотя часто бывал одним из первых. Пулидор — фигура романтическая. Его любили, потому что он был рожден приходить к финишу вторым. Но популярен он был все же больше, чем, например, невозмутимый Анкетиль, который пять раз заканчивал гонку в голубой майке. Обстоятельства всегда были против Пулидора, и зрители видели в нем воплощение Франции: стоило ему вырваться вперед, как у него тут же выходила из строя крышка, или прямо перед ним с грохотом осыпались камни, или попадал под колеса бродячий пес. И на единственном гвозде, случайно оказавшемся на трассе,

прокалывал камеру, конечно, Пулидор. У «Тур де Франс» больше именно таких героев, чем блестящих счастливиц: французы видят в них себя, со своими простыми радостями, не всегда удачливых, но умеющих относиться с юмором к своим неудачам и умеющих сопротивляться им. Многие ветераны гонки уже не мечтают выбиться в премьеры, но продолжают накручивать на упрямые колеса все новые километры изнурительных этапов.

Деньги? Слава? Не только. «Тур де Франс», — заметил журналист Марсель Дюбон, — эта мечта о самоотверженности, о теплоте, преданности и дружбе, это мечта о настоящем. И кто знает, может, юная Жанна д'Арк сидит у телевизора и смотрит, как мчится вперед Гаврош.

В. СИМОНОВ

корнями, и... нет, впрочем, не достаточно... Почва под деревом должна была быть хорошо удобрена: звание командора обходилось в полмиллиона лир, десять миллионов стоил графский герб, пятнадцать тянул герцогский. Торговля гербами шла настолько бойко, что уже не шум, а гневный ропот поднялся в благородных кругах. Дело доходило до презрительных взглядов и колких намеков в адрес свеженпеченных дворян... Теперь орден святой Агаты дарует лишь (бывают, разумеется, исключения) титул командора, и тот (все-таки в стране инфляция!) за миллион лир. Слава богу, до этих напастей успели проскочить в дворяне производители колбас Читтерио и Негрони, винодел Бранка, хозяйка химических предприятий Мартинонни и Моратти.

Дело, однако, обстоит не так плохо, как это может показаться: в Италии на сегодняшний день неутомимо действуют около сотни «научных центров» геральдики, которые за определенную мзду почти гарантируют родственников из княжеского (герцогского) дома или папского дворца. Тщательно вырисованное на поддельном пергаменте ветвистое генеалогическое древо — лучшее украшение современной стильной гостиной. «В девяти случаях из десяти, — со зна-

нием дела говорит князь Туманов, — это настоящая липа». Липа, как известно, тем хороша, что она, кроме прочего, дает липовый мед, и, как мухи на мед, слетаются на приманку родовитости те, кто еще вчера был без роду без племени. «Лучшие клиенты — это американцы итальянского происхождения, — говорит другой авторитет, Кочча, руководитель флорентийского «центра генеалогии». — Эти готовы заплатить любые деньги, лишь бы получить подтверждение, что их предки лично творили исторические события в то время, когда американские прерии еще оглашались криками индейцев».

Справедливости ради надо сказать, что монолиту избранных грозят не только шустрые неофиты, но и, так сказать, внутренние враги: знать всегда была склонна к некоторому разложению. Недавно весь свет облетела печальная весть о роковой страсти князя Маркантонио Колонна к простой девушке из Перуджи; женившись, князь вынужден был покинуть фамильный дворец и поселиться на скромной вилле. Вот так и разбавляется голубая кровь...

Конечно, действительных отпрысков славных фамилий новым дворянам никак не догнать; чем они, собственно, могут прославиться? В лучшем случае очередной финансовой аферой, ничего из ряда

вон. Молодой же Одескальки — весь в бороде и волосах, хоть и князь, — спит чуть не каждую ночь под тибрскими мостами. Один из рода Пиньятели живет на Капри и спит по-другому — укрывшись черной шелковой простышкой в гробу. Кардинал же Гранито ди Бельмонте спит на кровати, но на всякий случай держит гроб под ней. Барон Барракко — самая красивая вила в Неаполе, некогда принадлежавшая лорду и адмиралу Гамильтону, — повелел устроить на лужайке футбольное поле, нанял команду, одел ее и обул в цвета своего герба и частенько доставляет себе удовольствие, наблюдая за игрой. Куда скромнее барон из Палермо Франческо Пупане: чуть не каждую ночь барон покидает свой дом, бродит по улицам, а перед тем как вернуться, заходит на почту и отбивает телеграмму. Сам себе. С пожеланиями самого наилучшего. «Я люблю, — признается барон, — когда меня будят приятными новостями».

Можно понять истых хранителей дворянского достоинства, вынужденных укрываться от плебса за дверями и стенами различных частных клубов. Их немного, и один из самых привилегированных — римский клуб «Охота на лис»: всего сто членов, в том числе все еще живущие монархи (большинство без

трона). Облаченные в красные фраки, клябмены собираются в октябре. Следует торжественный обед в честь открытия сезона, затем сама охота. «Мы — единственный клуб, который скачет за настоящей лисой», — с понятной гордостью говорит президент маркиз Энцо Лебра. (Маркиза можно понять: так, в таком же миланском клубе вместо лисы довольствуются мешком с — извините — лисьими экскрементами.) Ну а за лисой собаки, монархи, маркизы на лошадях... Недавно один граф отвесил пощечину одному князю за то, что тот наехал лошадью на его собаку. И слова при этом сказал всякие итальянские... «Что поделаешь? — пожал плечами князь Орсини. — Дуэли нынче запрещены. Приходится как-то выкручиваться...»

Один наблюдательный журналист услышал и записал такой вот уличный диалог в Риме. Дама, глядя снизу вверх на мужчину, со строгостью дамы, глядящей сверху вниз, отчитывала:

— Вы не знаете, с кем имеете дело. Недавно выяснилось, что я происхожу от Медичи! А это XVI век!

Мужчина, глядя сверху вниз, ответил:

— Я же происхожу от слесаря. Это XX век.

И. ГОРЕЛОВ

Плакаты, которые вы видите на этой странице, выпустил Международный союз студентов (МСС). Они отражают лишь небольшую часть той насыщенной и боевой жизни, какой живет прогрессивное студенчество мира. Студенты борются против размещения в Европе американских ядерных ракет, за прекращение гонки вооружений и разрядку. Они строят международный студенческий центр в Ханое, который станет символом солидарности молодежи мира с мужественным народом Вьетнама. Студенты требуют положить конец политике неокOLONIALИЗМА, расизма и апартеида в Африке.

